

7.

Народное образованіе.

Заботы объ улучшеніи матеріальной культуры страны не мѣшали японскому правительству относиться съ крайнимъ вниманіемъ къ поднятію умственного уровня населенія. Оно сознавало, что могущество государства зависитъ не столько отъ его военныхъ силъ и даже его богатства, сколько отъ степени образованія и сознательности его гражданъ. Эта мысль ясно выражена въ словахъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія Японіи графа Окума: „Первое, въ чемъ мы особенно нуждаемся,—говоритъ онъ,—это образованіе. Только путемъ образованія можетъ нашъ народъ пріобрѣсти правильныя понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ при конституціонномъ правленіи. Тридцать лѣтъ тому назадъ едва ли знали, что такое образованіе. Въ настоящее время наше народное образованіе еще не сравнялось съ образованіемъ Соединенныхъ Штатовъ, Германіи или Франціи, но оно уже превосходитъ народное образованіе Италіи, Испаніи, даже Австраліи. Результаты его отразились на дѣйствіяхъ нашей арміи. Побѣды надъ китайцами одержаны нами, конечно, благодаря храбрости нашихъ войскъ и отчасти благодаря развитію у насъ народнаго образованія. Если бы наши военные были такъ же невѣжественны, какъ китайскіе, они не могли бы имѣть и половины тѣхъ побѣдъ,

какія одержали. Когда у насъ только - что была введена общая воинская повинность, большинство нашихъ солдатъ были безграмотны; теперь молодые люди, призываемые въ наборъ, оказываются образованными, и почти всѣ умѣютъ читать и писать. Въ тридцать слѣдующихъ лѣтъ мы надѣемся сдѣлать еще больше, чѣмъ было сдѣлано въ тридцать предыдущихъ, хотя и этого не мало. Я не думаю, что въ будущемъ нашей странѣ предстоитъ окончательно обьевропеиться. Мы будемъ продолжать развивать свою собственную цивилизацію, составленную изъ смѣси нашей и европейской. По мѣрѣ того, какъ европейская цивилизація будетъ болѣе и болѣе проникать къ намъ, наша собственная будетъ болѣе развиваться вмѣстѣ съ ней и благодаря ей. Въ настоящее именно время эти двѣ цивилизаціи соединяются. Сліяніе ихъ особенно замѣтно въ нашей литературѣ и искусствѣ. По мѣрѣ роста этого процесса, наша литература и наше искусство не будутъ вполнѣ уничтожаться, они разовьются рядомъ съ усиленнымъ введеніемъ иностранной литературы и иностраннаго искусства“¹.

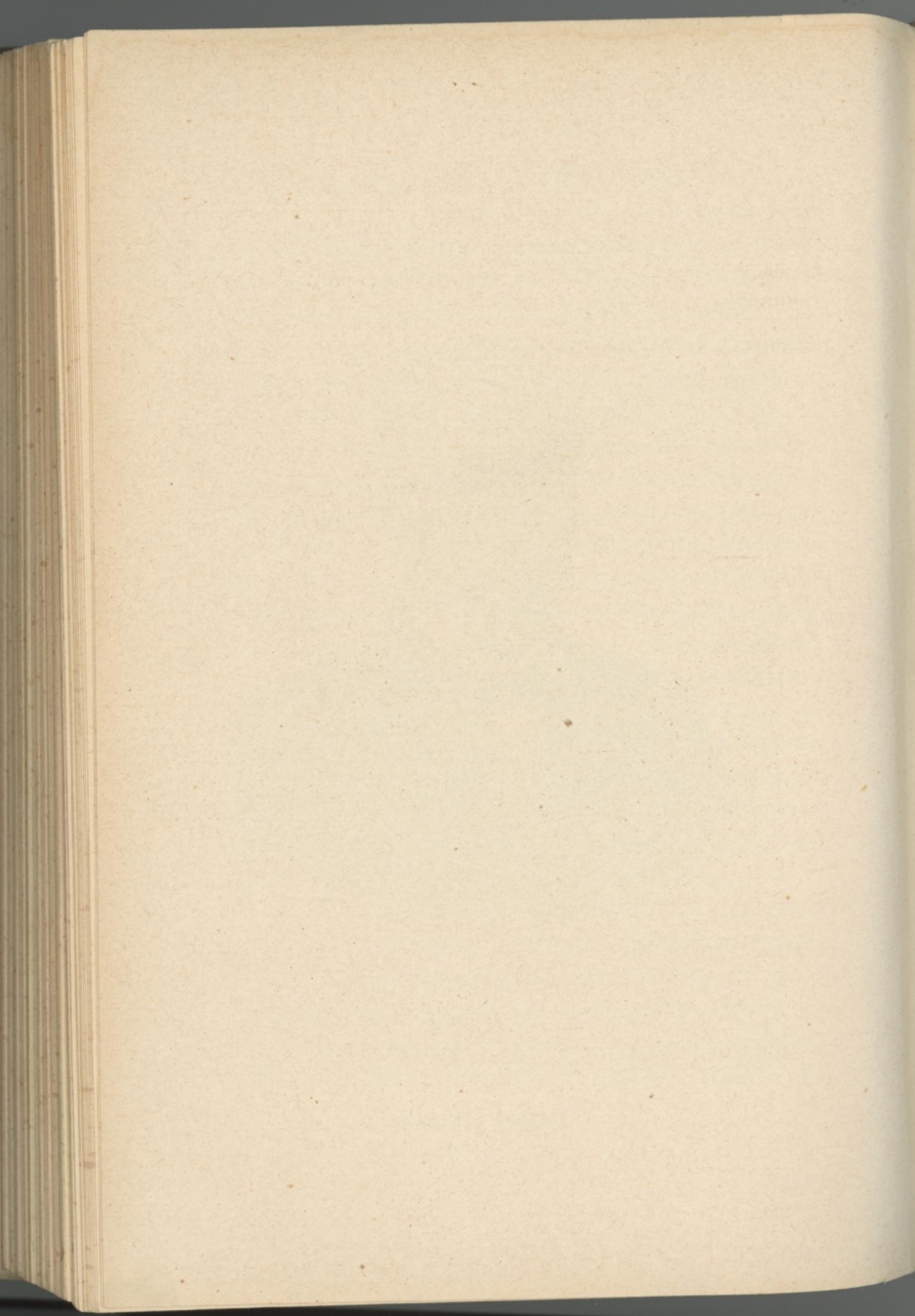
Слова эти совершенно соотвѣтствуютъ современной дѣйствительности и вполнѣ опредѣляютъ направление правительственной дѣятельности въ дѣлѣ народнаго образованія. Въ первомъ же эдиктѣ по поводу введенія новой системы народнаго образованія въ 1872 г. говорилось: „Законъ имѣетъ въ

¹ Petrie Watson, „Japan“, стр. 243.

Японія.

Графъ Окума.

виду такое распространение образования, при котором не могло бы быть деревни съ неграмотнымъ семействомъ и семейства съ неграмотнымъ членомъ¹. И надо признать, что за три десятка лѣтъ, протекихъ со времени обнародованія этого манифеста, Японія, если не вполне разрѣшила поставленную имъ задачу, то во всякомъ случаѣ сдѣлала громадный шагъ въ направленіи ея. Въ настоящее время Японія по народному образованію занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди наиболѣе цивилизованныхъ странъ. Однимъ изъ важныхъ показателей въ этомъ отношеніи могутъ служить данныя о воинской повинности. Слѣдующая табличка показываетъ процентъ грамотныхъ изъ числа призывныхъ въ Японіи и наиболѣе цивилизованныхъ странахъ, имѣющихъ у себя всеобщую воинскую повинность:

1897 г. ¹

Германія	98 ⁰ / ₀	грамотныхъ
Франція	85	„
Японія	70	„
Австрія	52	„
Россія	22	„

Слѣдовательно въ 1897 г. въ Японіи было 30⁰/₀ неграмотныхъ, изъ лицъ призывного возраста. Но съ тѣхъ поръ этотъ процентъ сильно уменьшился, такъ какъ количество школъ и количество учащихся въ нихъ, какъ показываютъ слѣдующія цифры, растутъ очень быстро:

¹ Богуславскій, стр. 184.
Японія.

Годы.	Число учебныхъ заведеній	Число учащихся
1887	27.500	2.833.350
1897	28.508	4.180.211
1902	29.335	5.265.006

Очень любопытно также обратить вниманіе на измѣненіе процента учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ къ общему числу дѣтей школьнаго возраста:

	Процентъ учащихся мальчиковъ	Процентъ учащихся дѣвочекъ
1873	40 ⁰ / ₀	15%
1882	64%	30%
1893	72%	40%
1902	94%	82%

Если прибавить къ этому дѣтей, получающихъ домашнее образованіе, то можно смѣло сказать, что въ Японіи въ настоящее время учатся почти всѣ дѣвочки и всѣ мальчики, развѣ за самыми рѣдкими исключеніями. Слѣдовательно, черезъ нѣкоторое время, когда старое поколѣніе смѣнится новымъ, процентъ безграмотныхъ тамъ сведется къ нулю.

Такіе блестящіе успѣхи, достигнутые въ такой короткій промежутокъ времени, объясняются въ значительной степени тѣмъ обстоятельствомъ, что въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи японское правительство обращало преимущественное вниманіе на устройство низшихъ школъ, иногда жертвуя имъ интересами средняго и высшаго образованія. Оно разсуждало при этомъ такъ, что среднее и

тѣмъ болѣе высшее образованіе составляютъ нѣ котораго рода роскошь, на которую государство можетъ затрачивать народныя средства только тогда, когда уже положенъ необходимый фундаментъ ввидѣ всеобщаго распространенія начальнаго образованія. Поэтому всячески поощряя частную инициативу въ дѣлѣ основанія всякаго рода общихъ и специальныхъ учебныхъ заведеній высшаго типа, оно ставило въ обязанность всѣмъ правительственнымъ и общественнымъ органамъ управленія заботу о начальномъ народномъ образованіи.

Въ основу начальнаго образованія въ Японіи положены два принципа: общеобязательность и свѣтскость. Всѣ дѣти отъ 6 до 10-лѣтняго возраста должны посѣщать школу, если ихъ родители не представляютъ какихъ-нибудь уважительныхъ причинъ, могущихъ избавить ихъ отъ этой необходимости (болѣзнь, слабость, возможность домашняго образованія и т. п.). Къ сожалѣнію, обученіе тамъ до сихъ поръ еще не бесплатно. За годъ плата за ученіе въ низшихъ школахъ колеблется отъ 4 до 6 іенъ. Конечно, цѣна эта очень небольшая, но все-таки для многихъ семей и она является большимъ обремененіемъ. Платность начальнаго обученія въ Японіи объясняется исключительно громадными затратами на его постановку, бывшими до сихъ поръ не по средствамъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе финансовъ позволяетъ, городскія и сельскія общества уполномочи-

ваются вводить у себя бесплатное обученіе. И въ настоящее время очень многіе ученики освобождаются отъ платы. Такъ, если одинъ ребенокъ изъ семьи уже учится въ школѣ, другого принимаютъ бесплатно. Свидѣтельство о бѣдности тоже избавляетъ отъ обязанности платить за дѣтей. Въ скоромъ времени, вѣроятно, принципъ бесплатности обученія будетъ поставленъ наряду съ принципомъ обязательности.

Второй принципъ свѣтскости образованія проведенъ въ японской школѣ съ полной послѣдовательностью. Яснѣ всего онъ формулированъ въ слѣдующей министерской инструкціи 3-го августа 1899 года: „Такъ какъ съ точки зрѣнія государства, — говорится тамъ, — существенно, чтобы общее образованіе было независимо отъ религіи, то этотъ послѣдній предметъ не долженъ преподаваться, и никакая религіозная церемонія не должна совершаться, хотя бы и во внѣклассное время, въ школахъ правительственныхъ, общественныхъ и во всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ программы курса подчинены правительственному или общественному контролю“.

Требованіе это исполняется безусловно во всѣхъ японскихъ школахъ. Ни одна изъ японскихъ религій не имѣетъ доступа въ школу. Религіозное воспитаніе цѣликомъ предоставлено родителямъ или духовнымъ лицамъ по ихъ выбору. Государство ничего въ этомъ отношеніи не навязываетъ и ничего не поощряетъ. „Японское правительство,—го-

ворить маркизь Ито, — не отступится отъ строгаго безпристрастія въ отношеніи религіи. Я самъ считаю науку, знаніе, культуру достаточной замѣной религіи. Мы будемъ идти по пути европейскаго изслѣдованія и изученія“¹.

Это обстоятельство, между прочимъ, очень невыгодно для всѣхъ вообще миссіонеровъ. Они имѣютъ право, какъ и всякій въ Японіи, основывать свои школы, но школы эти могутъ пользоваться официальными правами и давать льготы только въ томъ случаѣ, если въ нихъ не преподается религія. Иначе окончаніе ихъ не даетъ никакихъ правъ. Открывать школы исключительно свѣтскаго характера для миссіонеровъ, конечно, не представляетъ никакого интереса. Религіозныя же школы привлекаютъ крайне мало охотниковъ. Вслѣдствіе этого, миссіонерскихъ школъ въ Японіи вообще немного и онѣ немногочисленны. Въ 1902 г. во всѣхъ миссіонерскихъ школахъ Японіи было всего 2.482 ученика, изъ нихъ 1.631 дѣвочка и только 851 мальчикъ.

Но строгое проведеніе принципа свѣтскости никакъ нельзя считать оружіемъ, направленнымъ спеціально противъ иностранцевъ или миссіонеровъ, такъ какъ ни буддѣйскимъ, ни шинтоистскимъ школамъ тоже не дается официальныхъ правъ, а иностранцы не миссіонеры, какъ мы увидимъ ниже, свободно допускаются въ правительственныя учебныя заведенія, конечно, преимущественно высшія.

¹ Watson, „Japan“, 1904 г., стр. 238.

Начальныя школы въ Японіи раздѣляются на два разряда низшія и высшія. Въ низшихъ, съ четырехлѣтнимъ курсомъ, преподается японскій языкъ, чтеніе и письмо, ученіе о нравственности, ариѳметика и гимнастика. Очень большимъ обремененіемъ для школьнаго преподаванія является въ настоящее время азбука. Въ Японіи существуютъ въ сущности, двѣ азбуки. Одна изъ нихъ чисто японская—кана, состоитъ изъ 48 знаковъ, соответствующихъ нашимъ буквамъ. Но при помощи этой азбуки можно изображать лишь разговорныя слова. Литературный языкъ не поддается передачѣ съ помощью ея, такъ какъ въ него вошло большое количество китайскихъ словъ, требующихъ особаго написанія. Вслѣдствіе этого книги печатаются китайскими знаками, число которыхъ безконечно. Чтобы быть вполне грамотнымъ, т.-е. умѣть прочесть любую книгу или газету, надо знать отъ 2 до 3 тысячъ этихъ знаковъ. Ученые же знаютъ ихъ нѣсколько десятковъ. Изученіе этой грамоты, конечно, очень обременяетъ дѣтей, и въ настоящее время въ Японіи идетъ усиленная борьба противъ нея. При этомъ мнѣнія противниковъ китайскаго письма расходятся. Нѣкоторые предлагаютъ замѣнить его „каной“, нѣсколько переработавъ ее, другіе же считаютъ возможнымъ ввести прямо латинскій алфавитъ. Во всякомъ случаѣ то или другое рѣшеніе вопроса, вѣроятно, не заставитъ себя ждать и очень облегчитъ японскихъ школьниковъ.

Въ низшія начальныя школы поступаютъ дѣти 6 лѣтъ. Количество низшихъ начальныхъ школъ и учителей въ нихъ вполне соответствуетъ въ настоящее время требованію обязательности обученія. Всѣ дѣти школьнаго возраста получаютъ туда доступъ, и на одного учителя приходится не болѣе 50 учениковъ. Въ высшихъ начальныхъ школахъ преподаются, кромѣ тѣхъ же предметовъ, какъ и въ низшихъ, еще японская исторія, географія и естествознаніе. Изъ второстепенныхъ предметовъ: пѣніе, черченіе и гимнастика.

Гимнастикѣ во всѣхъ японскихъ школахъ придается очень серьезное значеніе, и поставлена она тамъ, по отзывамъ посѣщавшихъ японскія школы европейцевъ, прекрасно, не хуже чѣмъ въ Англіи и Америкѣ. Самыя разнообразныя физическія упражненія, примѣняющіяся тамъ, имѣютъ цѣлью не только развитіе въ дѣтяхъ физической силы и ловкости, они должны въ то же время воспитывать въ нихъ и разныя нравственныя качества—находчивость, самообладаніе, выдержку и эстетическій вкусъ. Интересные примѣры такого рода игръ на открытомъ воздухѣ приводитъ въ статьѣ „Очеркъ современнаго образованія въ Японіи“ русскій путешественникъ, посѣщавшій разныя японскія школы въ минувшемъ году. „Въ одно изъ двукратныхъ посѣщеній японской начальной школы въ Фузанѣ,—пишетъ онъ,—я былъ свидѣтелемъ, между прочимъ, слѣдующей игры мальчиковъ: раздѣленные на двѣ группы, человѣкъ по 20 въ каждой, они спѣшно

складывали шалаши изъ бамбуковыхъ прутьевъ, обдѣланныхъ такъ, что ихъ можно было скрѣплять между собою различнымъ образомъ. Задача состояла въ томъ, чтобы каждая группа сложила такой шалашъ не дольше какъ въ 15 минутъ по рисунку, выбранному старшиной группы изъ числа пяти, предложенныхъ наставникомъ.

„Одна группа кончила работу въ 12 минутъ, а другая—въ 14 минутъ, и учитель послѣ тщательнаго осмотра работъ, призналъ побѣдительницей вторую группу, такъ какъ шалашъ ея, хотя болѣе сложный, чѣмъ шалашъ первой, оказался по его мнѣнію, прочнѣе. Какъ только мальчуганы выслушали это рѣшеніе, послѣ котораго побѣжденные должны были аплодировать побѣдителямъ, къ каждому изъ шалашей подбѣжала группа дѣвочекъ съ флагами и ленточками, которыми и начали украшать шалаши. Работа ихъ была также „конкурсная“—на время и на изящество, и также по рисунку, выбранному въ каждой группѣ дѣвочками руководителями.

„Въ другихъ частяхъ школьнаго двора происходили гимнастическія упражненія. Мальчики становились въ отдѣльныя пары, въ каждой изъ которыхъ соприкасающіяся между собою ноги, т.-е. правая нога одного мальчугана и лѣвая нога его сосѣда, связывались платкомъ выше щиколки, затѣмъ мальчики каждой пары обнимались другъ съ другомъ, положивъ сосѣдную съ товарищемъ руку черезъ его шею на плечо свободной руки, и

должны были бѣжать къ стоящему передъ каждой парой шесту... Выигрывали тѣ пары, которыя прибѣгали на мѣсто не только скорѣе, но и менѣе уклоняясь отъ прямой линіи на пути. Нѣкоторыя, видимо, болѣе опытныя пары продѣлывали это упражненіе съ большимъ искусствомъ; другія же, особенно одѣтыя въ геты, неуклюже прыгали, какъ воробы, иногда падая съ веселымъ смѣхомъ. Учитель сказалъ мнѣ, что, кромѣ задачи приученія къ ловкости и настойчивости, упражненіе это имѣетъ цѣлью скорѣе примирить дѣтей съ европейской обувью, „которая каждому изъ нихъ нужна будетъ при отбываніи воинской повинности“. По сосѣдству съ этими бѣгающими парами группа школьниковъ съ большимъ воодушевленіемъ предавалась упражненію, которое, можетъ быть, надо назвать немного рискованнымъ: мальчуганъ садился верхомъ на шею болѣе рослаго и крѣпкаго своего товарища, свѣсивъ спереди его плечъ свои ноги, которыя тотъ крѣпко придерживалъ руками. Такой „всадникъ“, съ двумя адъютантами по каждую руку его „коня“, сходилъ съ другою такою же группою изъ четырехъ мальчугановъ, причемъ каждый всадникъ долженъ былъ стараться обнять противника за шею и, усиливаясь стащить его съ „коня“, заставить просить пощады или послѣдняго, или всадника. Обязанность „адъютантовъ“ состояла въ томъ, чтобы, поддерживая „коня“, отнюдь не позволить ему упасть. Ни драки, ни какихъ-либо рѣзкихъ и намѣренно болѣзненныхъ для противника усилій

при этомъ не допускалось. Зорко слѣдившій за этой борьбой и регулирующий ее учитель на мое замѣчаніе, что она можетъ окончиться плохо для „коня“ или „всадника“, возразилъ мнѣ, что онъ такихъ случаевъ не знаетъ, что упражненію этому обучаютъ дѣтей исподволь, и что оно имѣетъ то достоинство, что приучаетъ дѣтей къ выдержкѣ характера, даже при возбужденномъ состояніи, такъ какъ здѣсь каждому изъ участниковъ борьбы отведена опредѣленная роль, выходъ за предѣлы которой очень не одобрился бы товарищами... Столь же разнообразныя гимнастическія упражненія и игры наблюдалъ я и въ другихъ школахъ—и, между прочимъ, въ начальной школѣ при учительской семинаріи въ Нагасакахъ“¹.

Курсъ въ начальныхъ школахъ продолжается не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ лѣтъ, такъ что общій курсъ начальнаго образованія обнимаетъ отъ 5 до 8 лѣтъ. Посѣщеніе высшихъ начальныхъ школъ тоже считается обязательнымъ, но въ настоящее время количество ихъ еще не вполне удовлетворяетъ потребности, такъ что не всѣ, окончившіе низшую школу, находятъ тамъ мѣсто. Во всякомъ случаѣ, число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается.

Въ низшихъ начальныхъ школахъ допускается совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, въ высшихъ оно ведется отдѣльно. По общимъ отзы-

¹ Алиса Бэконъ, „Женщина въ Японіи“, стр. 392.

вамъ европейцевъ, изучавшихъ школьное дѣло въ Японіи, начальныя школы устроены тамъ превосходно. Прекрасное помѣщеніе, веселый и оживленный видъ учениковъ производятъ пріятное впечатлѣніе на посѣтителя. Учителя не гонятся за педантической дисциплиной; въ классѣ часто раздаются дѣтскіе вопросы и слышится смѣхъ, но зато вниманіе учениковъ не утомляется, и они съ интересомъ слѣдятъ за преподаваніемъ.

Внѣшній видъ японской начальной школы и картина преподаванія въ ней настолько своеобразны и непохожи на наше привычное представленіе о сельской школѣ, что мы позволимъ себѣ привести подробное описаніе посѣщенія школы извѣстнымъ русскимъ путешественникомъ Шрейдеромъ.

„Наконецъ мы пришли въ школу,—пишетъ онъ.— Школьное зданіе, по своему наружному виду, ничѣмъ не отличалось отъ прочихъ японскихъ домовъ ... День былъ солнечный, жаркій, и почти всѣ раздвижныя рамы стѣнъ, затянутыя масляной бумагой, были задвинуты. Оконъ и дверей, по обыкновенію, не было, и когда мы съ Ойамой (маленькая японская школьница) вступили внутрь, оставивъ ботинки и сандалии у порога, то сначала почти ничего не могли разсмотрѣть, благодаря царившему здѣсь полусвѣту. Насъ встрѣтилъ пожилой японецъ, въ національномъ костюмѣ и огромныхъ круглыхъ очкахъ на носу. Узнавъ о цѣли моего посѣщенія, онъ привѣтливо пожалъ мнѣ руку по европейски и пригласилъ меня сѣсть на стоявшій

здѣсь единственный низенькій табуретъ, на которомъ возсѣдалъ до моего прихода онъ самъ.

„Попросивъ его не прерывать занятій съ многочисленной аудиторіей, состоявшей изъ мальчиковъ и дѣвочекъ шести-восьми-лѣтняго возраста, числомъ до 20,—я съ любопытствомъ сталъ оглядываться по сторонамъ, между тѣмъ какъ моя спутница, отвѣсивъ учителю низкій, поясной поклонъ, какъ это требуется по японскому этикету, усѣлась на свое мѣсто.

„Внутреннее убранство школы поражало своей оригинальностью. Полъ былъ весь устланъ циновками, содержать которыя въ образцовой чистотѣ, какой онѣ здѣсь отличались, было тѣмъ легче, что вся публика сидѣла въ однихъ чулкахъ. На полу ровными рядами расположились ученики около маленькихъ табуретокъ и низенькихъ конторокъ, снабженныхъ всѣми необходимыми письменными принадлежностями, т. е. приборомъ для разведенія туши, кисточкой, пачками мягкой японской бумаги, линейками и книгами. Кромѣ моей табуретки, конторокъ и ученическихъ табуретокъ, никакой другой мебели въ комнатѣ не было. Я невольно обратилъ вниманіе на манеру, съ какой держали себя здѣсь ученики. Я не замѣтилъ въ нихъ и тѣни растерянности, забитости и страха передъ учителемъ; всѣ глядѣли весело, бодро, и держали себя такъ же непринужденно и просто, какъ у себя дома.

„На стѣнахъ (постоянныхъ деревянныхъ было всего двѣ, остальные по обыкновенію раздвигались)

висѣло нѣсколько портретовъ: нынѣшняго императора Японіи, Мутсу Гито, министра народнаго просвѣщенія и еще нѣсколько другихъ, среди которыхъ мое вниманіе остановилъ на себѣ портретъ одного въ высшей степени интереснаго японца, въ костюмѣ, какого нынѣ здѣсь не носятъ. Замѣтивъ мое любопытство, учитель обязательно далъ мнѣ соотвѣтствующія разъясненія.

„Портретъ изображалъ знаменитаго въ Японіи Суговари Мичизане, одной изъ выдающихся и интереснѣйшихъ личностей этой страны...

„Благодарная память потомства сохранила воспоминаніе о его великихъ заслугахъ передъ страной и по настоящее время: по распоряженію правительства, портретъ его помѣщается нынѣ во всѣхъ школахъ, содержимыхъ за счетъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ портретъ человѣка, „который долженъ служить идеаломъ для учащагося поколѣнія“. Кромѣ того, въ 25-й день каждого мѣсяца всѣ школы устраиваютъ празднества въ честь Мичизане, а 25 іюня каждого года память его чествуется общественнымъ праздникомъ „Матсури“.

„Между тѣмъ занятія въ школѣ продолжали идти своимъ чередомъ: шелъ урокъ чистописанія, ученики, и ученицы безшумно водили своими кисточками по бумагѣ. Всѣ они еще недавно начали учиться въ школѣ, и потому успѣхи ихъ были не блестящи; но по сверкающимъ глазенкамъ всей этой маленькой группы, свободно и живописно

расположившейся на корточкахъ, какъ кому поудобнѣе, видно было, что они очень увлечены своей работой, изъ силъ выбиваются, чтобы возможно болѣе четко вывести на бумагѣ какую-нибудь замысловатую букву. Сосѣди ежеминутно заглядывали другъ другу въ тетрадки, горячо спорили изъ-за какого-нибудь штриха или черточки, сравнивали тутъ же, не сходя съ мѣста свои работы, острили надъ какимъ-нибудь неправильно выведеннымъ хвостикомъ, и порою здѣсь стоялъ оживленный гомонъ, смѣхъ и веселье; звонкій и задорный голосокъ Ойамы покрывалъ часто голоса всей школьной оравы.

„Къ моему удивленію, учитель не только не вскакивалъ съ мѣста для водворенія порядка и прекращенія „списыванья“, но, напротивъ, принималъ самое дѣятельное участіе въ возникающихъ спорахъ и пререканіяхъ товарищей и смотрѣлъ сквозь пальцы на весь этотъ шумъ, добродушно, съ комическимъ видомъ, затыкая себѣ уши лишь тогда, когда становилось ужъ слишкомъ шумно въ классѣ. Аудиторія въ этихъ случаяхъ моментально умолкала, и я слышалъ, какъ по рядамъ учениковъ пробѣгаль укоризненный шепотъ.

„Замѣтивъ мое недоумѣніе, вызванное этими непривычными для меня школьными порядками, учитель, улыбнувшись, сказалъ мнѣ, что теперь еще тихо, такъ какъ его буйная молодежь нѣсколько стѣсняется присутствія иностранца; въ обыкновенное же время бываетъ еще шумнѣе и оживленнѣе.

„Видите ли, моя система, какъ и большинства японскихъ педагоговъ, заключается въ томъ, чтобы дать свободно развиваться дарованію и способностямъ каждаго—это во-первыхъ; не насиловать ихъ—это во-вторыхъ; дать свободу взаимному соревнованію—это въ-третьихъ. Кромѣ того,—добавилъ онъ,—вѣдь я долженъ помнить, что я здѣсь не начальникъ, которому родители отдали подъ надзоръ своихъ дѣтей, а учитель, т.-е., что я являюсь здѣсь въ качествѣ челоѣка, болѣе ихъ знающаго и свѣдущаго — и только. Зная это, я и стараюсь исключительно о томъ, чтобы всѣми возможными средствами вызвать въ нихъ интересъ къ ученью и поставить себя въ такія отношенія съ ними, чтобы они, не стѣсняясь, откровенно обращались ко мнѣ за всякимъ разъясненіемъ.

— „А приходится вамъ ихъ когда-нибудь наказывать?—спросилъ я учителя.

— „Да! И очень часто; мое наказаніе заключается въ томъ, что я заявляю имъ о своемъ неудовольствіи, обидѣть или не послушаться старшаго считается у насъ большимъ грѣхомъ, и на бѣднаго ребенка просто жалко смотрѣть: это для него худшее наказаніе.

— „Много-ли у васъ плохихъ учениковъ?—спросилъ я учителя.

— „У меня плохихъ вовсе нѣтъ; японская поговорка гласитъ: если плохъ ученикъ—значить, плохъ учитель; нужно только умѣть заинтересовать

ребенка ученѣмъ, и онъ будетъ учиться сколько можетъ“¹.

Особенно великолѣпно устроены японскія начальныя школы въ колонизируемыхъ ею странахъ, на Формозѣ, напр., и въ Корей. Авторъ очерка „О современномъ состояніи образованія въ Японіи“ описываетъ видѣнныя имъ начальныя школы въ Фузанѣ и Гензанѣ. „Въ этой школѣ (въ Фузанѣ),— пишетъ онъ,—около тысячи человѣкъ; зданія ея и обширный дворъ при немъ на превосходномъ мѣстѣ поселенія могутъ удовлетворить самымъ серьезнымъ педагогическимъ требованіямъ“². Такая же школа существуетъ и въ Гензанѣ.

По закону попеченіе о народномъ образованіи и устройство начальныхъ школъ лежитъ на мѣстныхъ самоуправленіяхъ, провинціальныхъ и городскихъ. Правительство устраиваетъ начальныя школы тамъ, гдѣ недостатокъ средствъ мѣшаетъ мѣстнымъ управленіямъ содержать достаточное для всеобщаго образованія количество школъ.

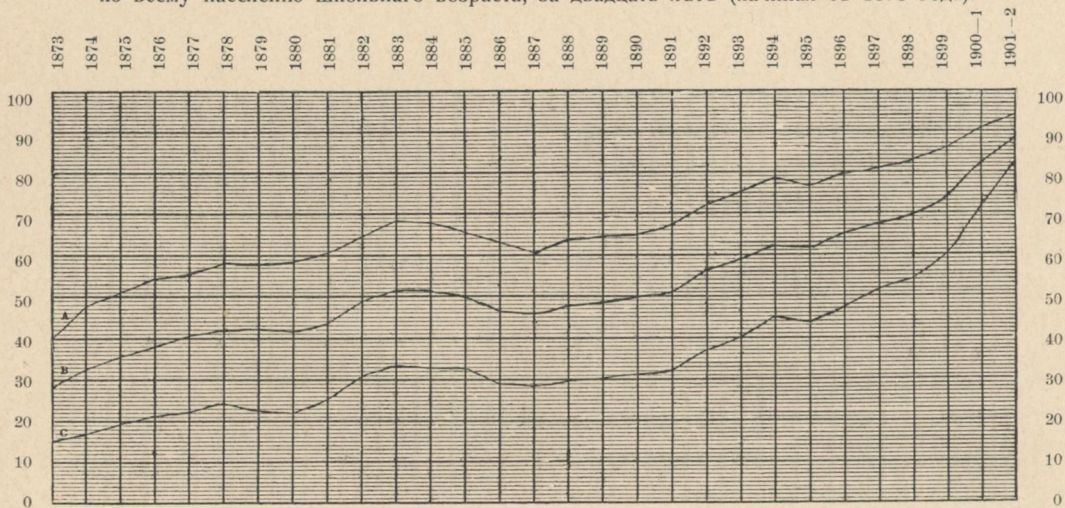
Контингентъ учителей, необходимыхъ для начальныхъ школъ, поставляется, главнымъ образомъ, такъ называемыми нормальными школами, тоже подраздѣляющимися на два разряда, причемъ окончившіе первый разрядъ допускаются только въ низшія начальныя школы, а окончившіе оба, и въ высшія. Эти нормальныя школы ближе всего со-

¹ Шрейдеръ, „Иоматойо и его семья“, М. Б., 1895 г., апрѣль, стр. 78—80.

² Алиса Беконъ, „Женщина въ Японіи“, стр. 392.

Діаграмма.

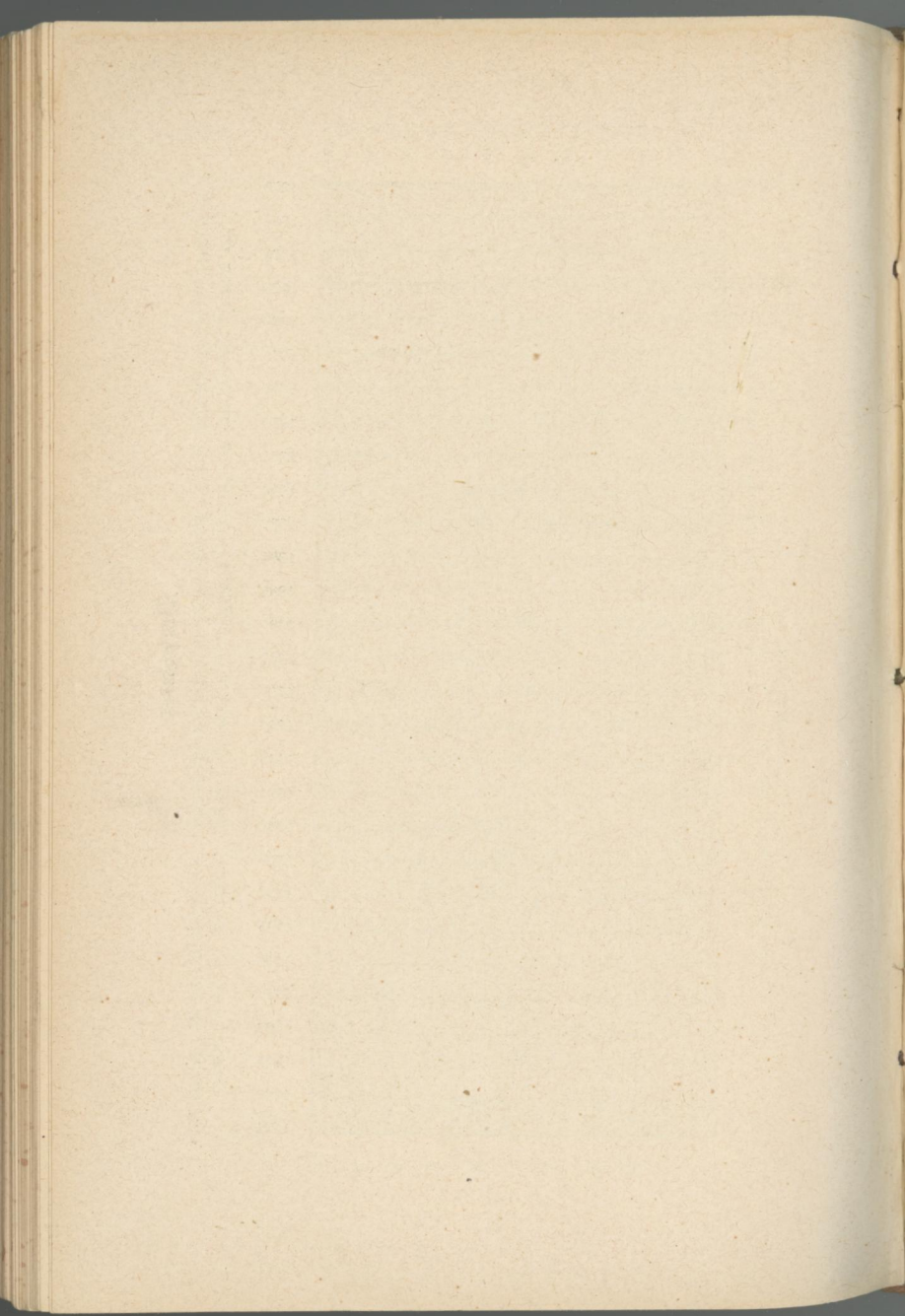
Діаграмма, показывающая число дѣтей, получившихъ образованіе, въ процентахъ по отношенію ко всему населенію школьнаго возраста, за двадцать лѣтъ (начиная съ 1873 года).

Діаграмма А относится къ дѣтямъ мужескаго пола.

В " " " " и женскаго половъ вмѣстѣ.

С " " " " женскаго пола.

отвѣтствуютъ нашимъ учительскимъ семинаріямъ и институтамъ. Курсъ ученія въ нихъ продолжается отъ 5 до 8 лѣтъ—въ высшихъ, и отъ 2 до 4 въ низшихъ. Кромѣ теоретическихъ занятій всѣми предметами, входящими въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ присоединеніемъ къ нимъ педагогики и психологіи, въ нормальныхъ школахъ ведутся практическія занятія съ дѣтьми. При каждой нормальной школѣ устроены образцовыя начальныя школы высшаго и низшаго типа. Въ 1902 году нормальныхъ школъ было 54; учениковъ въ нихъ 11.900 мужчинъ и 2000 женщинъ. Количество оканчивающихъ въ нихъ вполнѣ удовлетворяетъ растущей потребности въ учителяхъ для народныхъ школъ.

Большимъ минусомъ въ постановкѣ народнаго образованія въ Японіи служитъ крайне низкая оплата учительскаго труда. Среднее жалованье народнаго учителя колеблется отъ 10 до 15 іенъ въ мѣсяцъ при готовомъ помѣщеніи. Даже и при японскихъ цѣнахъ этого очень мало. Въ настоящій моментъ это не служитъ еще серьезной помѣхой къ постановкѣ народной школы. Въ народные учителя въ Японіи идутъ не ради дохода. Народное образованіе является теперь тамъ своего рода культомъ, на служеніе которому люди съ радостью отдаютъ свои силы и свои дарованія. Народный учитель не можетъ быть поставленъ на одну доску съ какимъ-нибудь мелкимъ чиновникомъ, идущимъ на такое же маленькое жалованіе ради хлѣба на-

сущнаго. Онъ идетъ на свое трудное и скудно оплачиваемое дѣло ради высокой идеи. Какъ и у насъ, онъ „сѣятель знанія на ниву народную“, и это сознаніе помогаетъ ему переносить многое. Но, конечно, государство не должно строить свои расчеты на эксплуатаціи такого идеализма, и министерство народнаго просвѣщенія въ Японіи вполнѣ сознаетъ это и стремится найти средства улучшить положеніе народныхъ учителей.

Наименѣе удовлетворительно поставлено въ Японіи среднее образованіе. Во-первыхъ, общеобразовательныхъ средне-учебныхъ заведеній крайне недостаточно по количеству, а во-вторыхъ, и постановка учебнаго дѣла въ нихъ оставляетъ желать многоаго.

Общее число среднихъ школъ въ Японіи было въ 1901 г. 242. Учащихся въ нихъ считалось 88.391 человекъ. Абсолютно нельзя сказать, чтобы это было очень мало, но, по сравненію съ количествомъ желающихъ поступить туда, это крайне недостаточно. Въ 1902 году во всѣ общеобразовательныя средне-учебныя заведенія Японіи выразили желаніе поступить 50.848 человекъ, изъ нихъ могло быть принято только 29.596 или 58,6⁰/₀, для остальныхъ не оказалось вакансій въ существующихъ школахъ. Въ среднія школы принимаютъ дѣтей не моложе 12 лѣтъ, имѣющихъ свидѣтельство объ окончаніи двухклассной высшей начальной школы. Курсъ обученія продолжается 6 лѣтъ. Въ программу занятій тамъ входятъ слѣдующіе пред-

меты: японская литература, китайская литература, исторія, географія, 2 европейскіе языка, англійскій и французскій или нѣмецкій, математика, естественная исторія, химія, физика, ученіе о нравственности и гимнастика. Главнымъ недостаткомъ постановки дѣла въ среднихъ школахъ считается чрезмѣрное обиліе предметовъ и чрезчуръ высокія требованія отъ учениковъ. Жалобы на переутомленіе учащихся, къ сожалѣнію, не рѣдкость и въ Японіи. Единственнымъ противовѣсомъ противъ перегруженія программъ является тамъ прекрасная постановка физическаго воспитанія. На него въ японскихъ школахъ, начиная съ низшихъ начальныхъ и кончая высшими, вездѣ обращено самое серьезное вниманіе. Самыя разнообразныя физическія упражненія, гимнастика всѣхъ видовъ, подвижныя игры, состязанія въ силѣ, въ ловкости, въ быстротѣ бѣга и находчивости считаются обязательными во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ безъ исключенія, точно такъ же, какъ и въ низшихъ. По рациональности постановки физическаго воспитанія, какъ мы уже говорили выше, по отзывамъ специалистовъ, Японія можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ Англіей.

Окончаніе курса средней школы не даетъ еще права на поступленіе въ университетъ. Для этого надо пройти одну изъ такъ называемыхъ высшихъ школъ. Ихъ въ настоящее время всего восемь, и доступъ туда еще затруднительнѣе, чѣмъ въ среднія школы. Въ 1902 г. въ нихъ было принято

всего 36⁰/₀ всѣхъ кандидатовъ. Только по окончаніи четырехлѣтняго курса высшей школы молодой человѣкъ можетъ поступить въ университетъ. Такимъ образомъ, до университета онъ долженъ кончить четыре школы: двѣ начальныя и двѣ среднія, т.-е. проучиться 16 лѣтъ. Поступивъ въ низшую начальную школу 6 лѣтъ, онъ добирается до университета только къ 22-мъ. Это, конечно, ненормально поздно, и въ послѣднее время въ Японіи поднимается вопросъ о реформѣ средняго образованія. Предполагается уничтожить совсѣмъ высшія школы и соотвѣтственно съ этимъ пересмотрѣть программы среднихъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы среднее образованіе могло быть заканчиваемо къ 18—19 годамъ.

Университетовъ въ Японіи два—первый, въ Токио, основанный въ 1877 г., и второй въ Кіото—въ 1897 г.

Токійскій университетъ имѣетъ шесть факультетовъ: медицинскій, юридическій, естественно-математическій, филологическій, агрономическій и инженерный.

При университетѣ есть нѣсколько научно-вспомогательныхъ учрежденій для практическихъ занятій и ученыхъ изслѣдованій. Университетскія клиники, по отзывамъ русскаго врача Шиманскаго ¹, проработавшаго тамъ нѣсколько лѣтъ, обставлены

¹ Отчетъ его былъ помѣщенъ въ „Журналъ акушерства и гинекологій“ за 1899 г.

образцово и вполне отвѣчаютъ послѣднимъ требованіямъ науки.

При естественно - математическомъ факультетѣ имѣется богатѣйшій ботаническій садъ, выписывающій растения изъ различныхъ частей свѣта и привлекающій массу посѣтителей своей красотой и безупречнымъ порядкомъ.

О сейсмологическомъ обществѣ и сейсмической обсерваторіи намъ уже приходилось упоминать, говоря о землетрясеніяхъ; кромѣ нихъ, тамъ есть еще астрономическая и морская біологическая лабораторія, устроенная въ бухтѣ Куаджиро, чрезвычайно богатой всевозможными видами морскихъ организмовъ. При филологическомъ факультетѣ есть специальная исторіографическая и археологическая коммиссія, занимающаяся изученіемъ японскихъ древностей.

При инженерной коммисіи организованы различныя образцовыя мастерскія, а при сельскохозяйственной на принадлежащей университету землѣ устроены опытные поля, питомники и т. п. Наконецъ, при университетѣ же есть всевозможные кабинеты: физическій, зоологическій, геологическій, антропологическій и богатая бібліотека не только на японскомъ и китайскомъ, но и на многихъ европейскихъ языкахъ (около 200.000 названій европейскихъ книгъ).

Въ настоящее время Токійскій университетъ уже не можетъ быть названъ исключительно учебнымъ заведеніемъ, онъ въ то же время и ученое учрежде-

ніе, изъ среды котораго выходятъ крупныя научныя силы, завоевывающія признаніе и въ Европѣ. Напомнимъ хотя бы знаменитаго японскаго бактериолога Китазато, прославившагося своими изслѣдованіями по чумѣ и изобрѣвшаго вмѣстѣ съ проф. Берингомъ противодифтеритную сыворотку. Другой японскій профессоръ Шига изобрѣлъ противодезинтерійную сыворотку, примѣняющуюся теперь и въ европейскихъ клиникахъ. О работахъ японскихъ ученыхъ въ области геологіи и сейсмологіи намъ уже приходилось упоминать. Въ этой отрасли наиболѣе извѣстны проф. Омори и Секія.

Въ 1901—2 г. всѣхъ слушателей въ токійскомъ университетѣ было 3121, причемъ изъ нихъ 15 иностранцевъ (8 китайцевъ, 3 корейца, 2 филиппинца, 1 индусъ и 1 американецъ). Профессоровъ и преподавателей 245, въ томъ числѣ 18 иностранцевъ (8 нѣмцевъ, 3 американца, 2 англичанина, 1 французъ, 1 русскій, 1 швейцарецъ, 1 итальянецъ и 1 китаецъ). Въ первые годы количество иностранныхъ преподавателей было, конечно, значительно больше. Но, по мѣрѣ того, какъ являлись японцы, подготовившіеся и за-границей, и дома къ занятію каеэдръ, они естественнымъ образомъ замѣняли иностранцевъ. Вообще въ 1902 году всѣхъ иностранцевъ, занимающихся преподаваніемъ въ Японіи, насчитывалось всего 66, причемъ треть изъ нихъ нѣмцы, потомъ англичане и американцы, остальные же считаются единицами.

Въ этомъ нежеланіи допускать иностранцевъ

къ преподаванію сказывается, конечно, стремленіе японцевъ къ независимости въ духовной области. Они охотно заимствуютъ у иностранцевъ то, что имъ кажется полезнымъ и пригоднымъ, охотно сами ѣдутъ учиться въ Европу, но по возможности избѣгаютъ отдавать въ ихъ руки воспитаніе молодежи. вмѣстѣ съ этимъ въ школахъ никогда не воспитывается намѣренно непріязнь и недовѣріе къ иностранцамъ. Въ той же министерской инструкціи 1899 г., о которой намъ уже приходилось упоминать, говорится между прочимъ: „Высоко чтите предковъ и обращайтесь съ вашими родителями съ теплой сердечностью, но не смотрите ни на кого, какъ на вашего врага, потому только, что онъ христіанинъ. Такъ какъ всѣ человѣческія существа суть братья и сестры, то нѣтъ основаній относиться недовѣрчиво къ иностранцамъ. Смотрите на нихъ, какъ на равныхъ, и дѣйствуйте правдиво во всѣхъ вашихъ сношеніяхъ съ ними. Остерегайтесь спланиваться для борьбы противъ иностранца и ненавидѣть его только потому, что онъ иностранецъ. Надо судить людей по ихъ поведенію, а не по ихъ національности“.

Отчасти въ дѣлѣ преподаванія сами европейцы виноваты въ нѣкоторомъ недовѣріи къ нимъ со стороны японцевъ. Когда Японія была открыта для иностранцевъ, въ Европѣ о ней имѣлось довольно смутное представленіе. Казалось, что у этихъ варваровъ всякій европеецъ, по одному тому, что онъ европеецъ, можетъ сойти за ученаго. Люди,

которымъ не повезло въ своемъ отечествѣ, являлись въ Японію и предлагали свои услуги по части просвѣщенія подданныхъ микадо. И вначалѣ плохое знаніе иностранныхъ языковъ вводило японцевъ въ печальныя недоразумѣнія. Извѣстенъ случай, какъ вскорѣ послѣ переворота 1868 г. преподавателемъ въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній былъ приглашенъ американскій мясникъ. Но это недолго продолжалось. Японское правительство очень скоро замѣтило, что его довѣрчивостью воспользовались разные проходимцы, и приняло свои мѣры. Для иностранцевъ, ищущихъ мѣстъ преподавателей, въ 1874 году былъ установленъ своего рода государственнѣй экзаменъ, и въ первый же годъ многіе изъ кандидатовъ съ позоромъ провалились. Предполагаемый лекторъ англійской литературы не умѣлъ грамотно писать по англійски, а познанія математика не шли дальше уравненія 2-й степени. Не мудрено, что послѣ этого японцы стали относиться нѣсколько подозрительно къ носителямъ европейскаго просвѣщенія, хотя это не мѣшало настоящимъ европейскимъ ученымъ въ родѣ профессора Мильна, напр., по много лѣтъ подрядъ занимать каѳедры въ токійскомъ университетѣ.

Молодой университетъ въ Кіото еще далеко не сравнялся съ первымъ. Въ немъ пока открыто только 4 факультета: медицинскій, юридическій, естественно-математическій и инженерный. Количество студентовъ въ немъ тоже невелико: въ 1901 г. ихъ было всего около 500. Вполнѣ закончены

устройствомъ въ немъ только медицинскія клиники, въ которыхъ перебывало уже около 40 тысячъ амбулаторныхъ и около $1\frac{1}{2}$ тысячи госпитальныхъ больныхъ.

Кромѣ двухъ университетовъ, въ Японіи есть еще два высшія учебныя заведенія съ общеобразовательнымъ курсомъ. Это сенмонская школа и коллегія Фукузавы. Сенмонская школа имѣетъ три факультета: литературный, юридическій и политическій. Основана она графомъ Окума въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, съ цѣлью, главнымъ образомъ, готовить молодыхъ людей къ общественной дѣятельности и къ литературной карьерѣ. Курсъ въ ней трехлѣтній.

Коллегія Фукузавы самое старѣйшее въ Японіи учебное заведеніе, поставившее преподаваніе на европейскій ладъ. Основано оно еще при старомъ режимѣ въ 1858 году, и вначалѣ европейская наука вводилась туда съ крайней осторожностью, подъ вѣчными опасеніями преслѣдованій за нарушеніе закона. Послѣ реставраціи 1868 года коллегія сразу расцвѣла и привлекла къ себѣ много охотниковъ. Она совмѣщаетъ въ себѣ и среднее, и высшее учебное заведеніе. Мальчики поступаютъ туда по окончаніи 2-хъ-лѣтней высшей начальной школы и проходятъ сначала въ теченіе 7 лѣтъ курсъ среднеучебныхъ заведеній, а потомъ 3 года университетскій. Университетскій курсъ распадается на три отдѣленія: юридическое, политико-экономическое и литературное.

Наконецъ, кромѣ общеобразовательныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ Японіи есть еще не мало специальныхъ, изъ которыхъ мы упомянемъ 15 медицинскихъ школъ съ 4-хъ-лѣтнимъ курсомъ, 15 юридическихъ и политико-экономическихъ, 2 естественно-научныхъ, 6 для изученія языковъ, музыкальная академія и школа изящныхъ искусствъ. Собственно техническія школы, къ которымъ относятся также сельскохозяйственныя, занимаютъ въ Японіи особенно высокое мѣсто и по количеству, и по постановкѣ дѣла. Въ 1901 г. ихъ было счетовъ до 400, съ 36,787 учащимися. Относительно внутренней организаціи ихъ, кажется, нѣтъ двухъ мнѣній. Всѣ онѣ устроены крайне практично и снабжены всѣми новѣйшими пособіями. Особенностью постановки дѣла въ нихъ служить то, что онѣ всегда тѣсно связаны съ практическимъ промышленнымъ міромъ. Промышленныя и техническія корпораціи всегда непосредственно наблюдаютъ за ходомъ преподаванія въ тѣхъ школахъ, которыя относятся къ ихъ специальности, и дѣлаютъ соотвѣтствующія практическія указанія. Вслѣдствіе этого, ученики по окончаніи курса оказываются вполне приспособленными къ потребностямъ жизни и быстро находятъ приложеніе для своихъ знаній.

Намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ о японскомъ студенчествѣ, но, къ сожалѣнію, отзывы европейцевъ, даже такихъ признанныхъ знатоковъ Японіи какъ Гриффисъ, Чэмберленъ и др., служатъ плохимъ матеріаломъ для этого. Всякій видитъ

то, что хочет, и не замѣчаетъ ничего иного каждый противорѣчитъ другому и даже часто самъ себя.

Вотъ для примѣра нѣсколько характеристикъ японскаго студента: „Онъ пылокъ, серьезенъ, усерденъ, жаждетъ знанія и проникнуть пламеннымъ патріотизмомъ“, — говоритъ одинъ англичанинъ, много лѣтъ занимавшійся преподаваніемъ въ Японіи ¹.

„У японскаго студента одинъ идеаль—получить дипломъ, чтобы обезпечить свое существованіе и удовлетворить самолюбіе,—говоритъ Дюмоларъ.— Ради этой цѣли онъ способенъ на величайшія усилія. Онъ будетъ слушать по 30 курсовъ въ недѣлю, если нужно, онъ будетъ вести записки и выучивать ихъ наизусть. Но не требуйте отъ него собственныхъ размышленій, научной любознательности, интереса къ чему-нибудь, выходящему за предѣлы экзамена,—вы вызовете у него улыбку“.

Вы уже готовы поставить крестъ надъ японскими студентами. Повидимому, это тупицы, зубрилы и карьеристы. Но, по счастью, Чэмберленъ упрекаетъ ихъ совсѣмъ въ обратномъ.

„Ихъ главный недостатокъ,—говоритъ онъ,—желаніе забѣгать впередъ, руководить самимъ, а не подчиняться. Неповиновеніе составляетъ теперь обычное явленіе“ ³.

Эти слова внушаютъ уже другое опасеніе—въ

¹ Petrie Watson. „Japan“, стр. 206.

² Dumolard. „Le Japon politique, économique et social“, p. 214.

³ Chamberlain. „Things japonaise“, ст. 133.

верхоглядствѣ, въ легкомысліи этой молодежи. Но и тутъ вамъ нетрудно найти противовѣсъ:

„Трудолюбіе японскихъ студентовъ виѣ конкурса,—говоритъ профессоръ токійскаго университета, англичанинъ Чарльзъ Диккенсонъ Вестъ,—что касается способностей, то они не отличаются быстротой соображенія. Но если имъ есть время разобратъ что-нибудь, то они разберутъ вопросъ и усвоить его не хуже того, кто ихъ учить“¹.

Здѣсь, очевидно, имѣются въ виду не тѣ чисто виѣшнія способности усвоенія, какія находилъ у студентовъ Дюмоларъ. Но все-таки тутъ еще не чувствуется того, что такъ цѣнно въ молодежи, извѣстной широты, нѣкотораго идейнаго подъема. Зато у другихъ авторовъ мы можемъ найти жалобы именно на слишкомъ сильное увлеченіе студентовъ отвлеченными теоріями и нежеланіе заняться пріобрѣтеніемъ практически-полезныхъ знаній. Сначала Шопенгауэръ, а потомъ Ницше сводили съ ума японскихъ студентовъ.

„Головы нашихъ студентовъ,—жалуется японскій первый министръ баронъ Сонъ,—наполнены возвышенными идеями, но, къ несчастью, судьбы націй не зависятъ отъ философовъ“².

Нравственная оцѣнка японской молодежи тоже прямо-противоположна у различныхъ авторовъ: „У японской молодежи нѣтъ никакихъ идеаловъ, ни

¹ „Очеркъ образованія въ Японіи“ Н. П. А., стр. 423.

² Petrie Watson. „Japan“, p. 210.

моральныхъ, ни философскихъ, ни религіозныхъ,—увѣряетъ Дюмоларь.—Въ ней совсѣмъ нѣтъ того, что принято называть совѣстью“¹.

А рядомъ съ этимъ Гриффисъ, несомнѣнно очень солидный и добросовѣстный изслѣдователь, пишетъ: „Я нашелъ въ нихъ почти всѣ благородныя чувства, служащія украшеніемъ человѣческой природы. Они проявили въ отношеніи ко мнѣ довѣрчивость, симпатію, уваженіе и даже любовь. Я никогда не имѣлъ столкновенія ни съ однимъ изъ нихъ“.

Кромѣ всѣхъ этихъ одобреній и порицаній и взаимно уничтожающихъ другъ друга упрековъ, въ послѣднее время японскую молодежь стали особенно сильно упрекать за появившееся въ ея средѣ политическое броженіе. „Начиная съ 1888 г.,—говоритъ Чэмберленъ,—появился классъ распушенной молодежи, называемыхъ по японски „соши“, юныхъ агитаторовъ, которые, вообразивъ, что политика — ихъ область, навязываютъ себя и свои мнѣнія министрамъ... Будемъ надѣяться, что анархія никогда не посѣтитъ вновь Японіи. Иначе этотъ классъ молодежи явится готовымъ орудіемъ въ ея рукахъ“.

Прислушавшись ко всѣмъ этимъ мнѣніямъ, мы можемъ заключить одно,—японская студенческая молодежь такая же, какъ и вездѣ. Какъ и вездѣ, въ

¹ Dumolard, p. 218.

² Griffis, „The Mikado Empire“, стр. 539.

³ Chamberlain, „Things japonaise“, стр. 133—134.

ней есть разные типы, разные группы и разные теченія. Но въ общемъ это несомнѣнно хорошая и здоровая, работающая, думающая и волнуемая молодежь.

Во всякомъ случаѣ, какова бы она ни была, изъ нея, и ни откуда болѣе, выходятъ всѣ тѣ тысячи врачей, адвокатовъ, инженеровъ, учителей, профессоровъ и писателей, однимъ словомъ, всѣхъ культурныхъ работниковъ современной Японіи. А именно этимъ работникамъ и обязана Японія своимъ изумительнымъ культурнымъ успѣхомъ за послѣднюю четверть вѣка.

8.

Искусство, литература, періодическая пресса.

Въ жизни японскаго народа искусство, и именно изобразительное искусство, — живопись и скульптура, — играло всегда замѣтную роль. Японцы, особенно въ прежнее время, любили окружать себя изящными, удовлетворяющими эстетическій вкусъ, предметами. Ихъ жилища, чрезвычайно простыя по архитектурѣ и внутренней меблировкѣ, почти всегда украшены какими-нибудь картинами, гравюрами и художественными вещами. Всякая вещь, употребляющаяся въ домашнемъ обиходѣ, — посуда, ширмы, ящики, вѣера, зонтики, всегда украшены какими-нибудь художественными изображеніями, составляющими плодъ фантазіи мастера. Въ настоящее время ростъ фабричной промышленности

въ значительной степени вытѣсняеть съ рынка эти произведенія художественнаго ремесла. Искусство поневолѣ должно было до нѣкоторой степени обособиться, отойти въ свою специальную область. Впрочемъ, живопись, какъ таковая, уже съ давнихъ поръ существовала въ Японіи рядомъ съ такъ называемой художественной промышленностью. Съ этой послѣдней въ Европѣ познакомились сравнительно давно, еще въ XVIII в., когда туда черезъ посредство голландцевъ стали проникать японскія лакированныя издѣлья, фарфоръ, ширмочки и другія изящныя бездѣлушки.

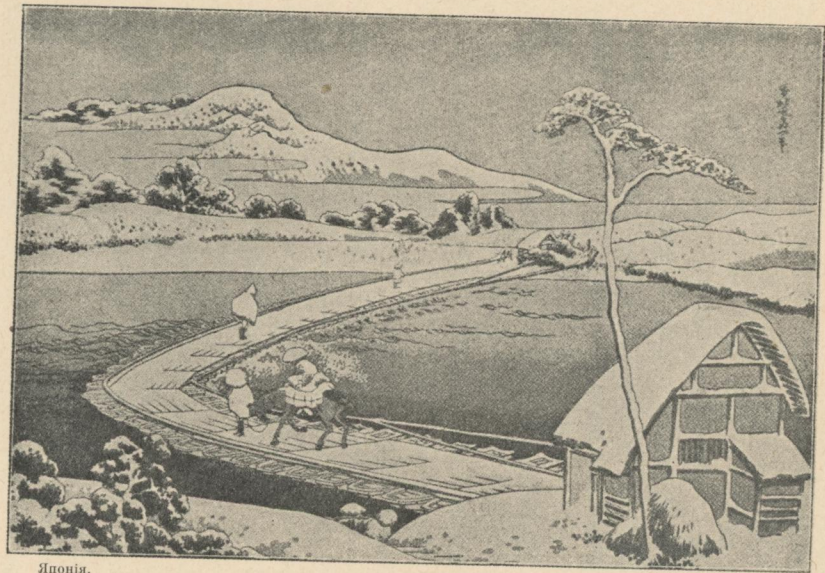
Но болѣе полное представленіе о японскомъ искусствѣ Европа получила только въ 60-хъ годахъ XIX в., когда на европейскихъ выставкахъ стали появляться картины японскихъ художниковъ. Образцы японской живописи произвели громадное впечатлѣніе на художниковъ, и, быть можетъ, раньше чѣмъ что-либо другое, поколебали укоренившійся взглядъ на Японію, какъ на некультурную варварскую страну. Другія стороны ея быта съ трудомъ поддавались изученію и доходили до публики сквозь призму одностороннихъ и часто пристрастныхъ наблюдателей, а эти произведенія заокеанскихъ мастеровъ являлись живыми свидѣтелями духовной культуры ихъ далекой родины. Многое въ этихъ картинахъ поражало европейца странностью, но многое говорило его чувству прекраснаго вполне понятнымъ языкомъ.

Самый матеріалъ японскихъ картинъ настолько

отличается отъ европейскаго, что самъ по себѣ предполагаетъ существенную разницу въ выполненіи. Пишутся японскія картины, главнымъ образомъ, на тонкой шелковой матеріи или на особой плотной бумагѣ, при этомъ онѣ никогда не вставляются въ рамы, а хранятся въ свиткахъ и въ частныхъ домахъ никогда не вывѣшиваются болѣе чѣмъ по одной за разъ. Масляныя краски до знакомства съ Европой совсѣмъ не были извѣстны въ Японіи, точно такъ же, какъ карандашъ, уголь, перо — вообще всѣ твердыя принадлежности для рисованья. Японцы пишутъ исключительно мягкими волосянымъ кисточками съ помощію туши и акварельныхъ красокъ. Но этими простыми средствами японскіе художники достигаютъ удивительныхъ результатовъ. Глубокое чувство природы, изумительная точность и правда въ изображеніи деталей при поэтической, иногда фантастической концепціи, заставили многихъ европейскихъ художниковъ преклониться предъ японской живописью и привѣтствовать въ ней цѣнный вкладъ въ сокровищницу мірового искусства.

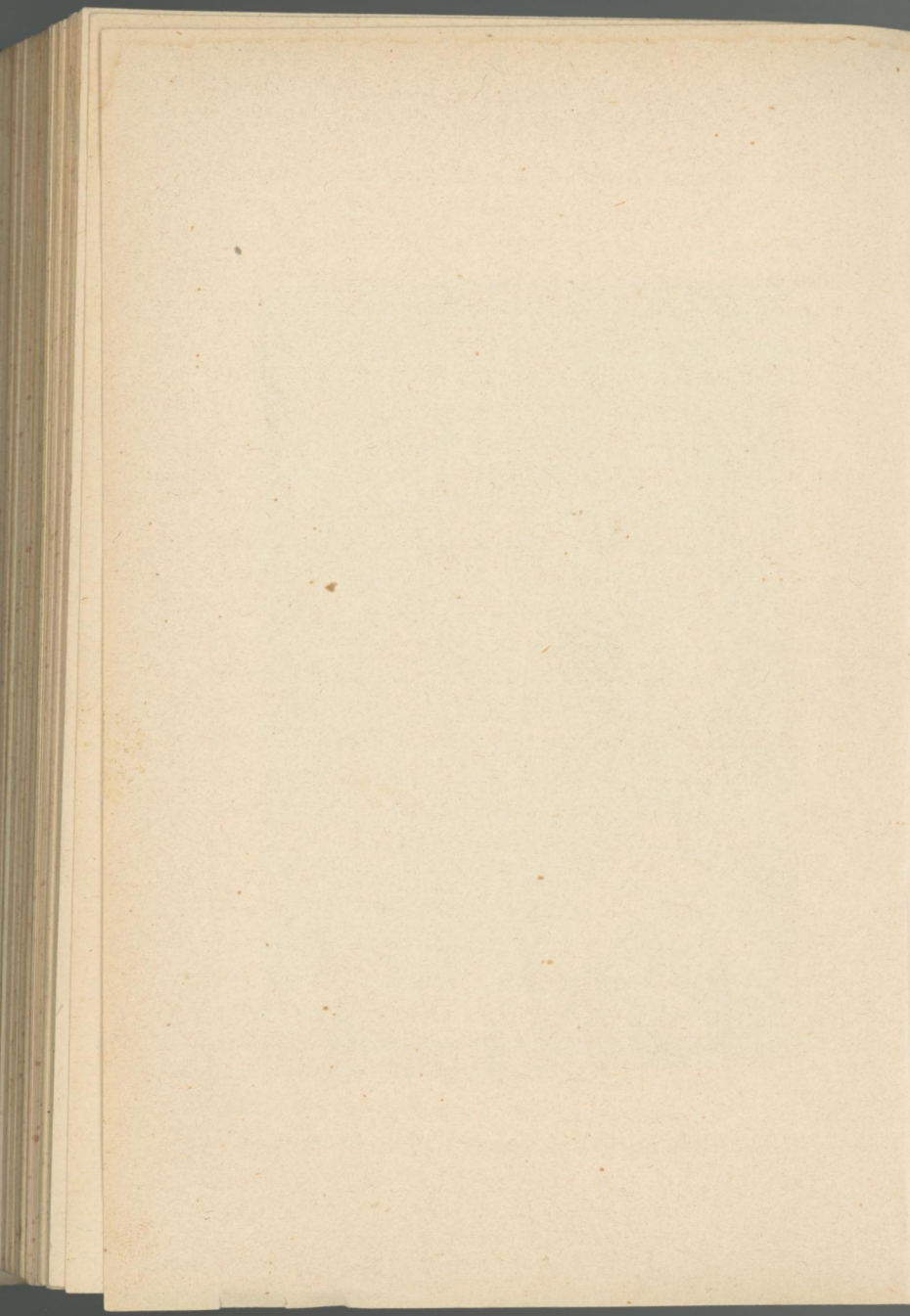
Здѣсь не мѣсто пытаться дать сколько-нибудь полную характеристику японскаго искусства, требующую специальныхъ знаній и изученія на мѣстѣ. Извѣстный фактъ замѣтнаго вліянія японской живописи на европейскую во второй половинѣ XIX вѣка служить достаточнымъ доказательствомъ художественной цѣнности этого искусства.

Тонкое, богатое оттѣнками, вѣрное жизни и въ

Японія.

Пейзажъ.
Картина Гокусай.

то же время умѣвшее подняться надъ ней, это искусство могло расцвѣсть только на почвѣ своеобразной, но глубокой культуры. Такой утонченный даръ не дается въ удѣлъ варварскимъ некультурнымъ народамъ. Ихъ пониманіе природы всегда примитивно, средства эстетическихъ наслажденій грубы и однообразны. Но если тамъ, гдѣ мы подозрѣвали варварство, мы находимъ цѣлое богатство художественныхъ образовъ, выработанные художественные приемы, тщательность отдѣлки, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что наше первоначальное предположеніе было ошибочно. Передъ нами навѣрно культура не вчерашняго дня, и корни того, что насъ поражаетъ теперь, уходятъ далеко въ глубь вѣковъ.

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что японское искусство, развивавшееся, конечно, совершенно самостоятельно, переживало въ общихъ чертахъ тѣ же главные фазисы, какъ и европейское. Вначалѣ оно было всецѣло подъ вліяніемъ религіи. Художники первыхъ вѣковъ по распространеніи буддизма писали исключительно на религіозныя темы, изображали Будду и буддійскихъ святыхъ, стараясь, главнымъ образомъ, воплощать религіозную мысль и мало заботясь о вѣрности природѣ. Такъ продолжалось до XV в., когда писалъ *Хо-Ден-са*, картины котораго проникнуты глубокимъ религіознымъ настроеніемъ. Послѣ него религіозная живопись уже не дала ни одного виднаго представителя. Въ ней все больше сказывается фальшь и

рутина. Въ XV и XVI вѣкахъ возникаетъ реакція противъ этого направленія, и въ живописи начинается проявляться реализмъ. Появляется новая школа живописи, выдвигающая на первый планъ жанръ и изображающая, главнымъ образомъ, сцены изъ быта низшихъ классовъ населенія. Изъ живописцевъ этой школы особенно прославился *Коринъ*, достигшій изумительной экспрессивности въ изображаемыхъ имъ сценахъ. Съ конца XVII в. жанръ начинаетъ уступать первенствующее мѣсто пейзажу. Это преобладаніе пейзажной живописи продолжается и въ XVIII в. Только тутъ въ художественныхъ приѣмахъ появляется большая изысканность и утонченность. Въ началѣ XIX в. возникаетъ реакція противъ этой чрезмѣрной утонченности. Искусство до нѣкоторой степени демократизируется. Оно перестаетъ изощряться въ тщательности отдѣлки и стремится производить впечатлѣніе болѣе простыми способами. Въ эту эпоху сильно развивается декоративная живопись и гравированье.

Самымъ извѣстнымъ въ Европѣ представителемъ живописи этого періода былъ *Гокусаи*, жившій съ 1760 — 1849 г. Кромѣ многихъ большихъ картинъ, преимущественно пейзажей, Гокусаи оставилъ послѣ себя небольшіе этюды и, главнымъ образомъ, гравюры. Въ творчествѣ Гокусаи ярко выразились характерныя особенности японской манеры живописи вообще, — близость къ природѣ въ деталяхъ и умѣнье удивительно схватывать и передавать движеніе. Иногда нѣсколькими бѣглыми, но

смѣлыми и вѣрными штрихами онъ можетъ изобразить сцену, полную экспрессіи и движенія. Японскіе живописцы всегда придавали большое значеніе этому искусству схватывать движеніе. Относительно одного изъ нихъ, Кана-оке, жившаго еще въ IX в., сохранилось даже преданіе, что онъ до такой степени живо изобразилъ мчащихся лошадей, что онѣ по ночамъ срывались съ картины и скакали по полямъ.

Въ изумительной вѣрности природѣ японцы тоже не знаютъ себѣ равныхъ. Особенно славятся они изображеніемъ животныхъ и нѣкоторыхъ породъ птицъ. Ихъ обезьянки положительно неподражаемы, такъ и чувствуется ихъ мягкая, лоснящаяся шерстка. Въ то же время это не рабское подражаніе природѣ, не фотографія. Въ каждомъ звѣркѣ уловлена его индивидуальность, въ каждомъ небольшомъ пейзажѣ передано его преобладающее настроеніе.

Наряду съ этими крупными достоинствами главнымъ недостаткомъ японской живописи служить плохое знаніе законовъ перспективы. Въ этомъ отношеніи знакомство съ европейскимъ искусствомъ многому научило японцевъ, и въ настоящее время они сдѣлали и въ этомъ направленіи большіе успѣхи.

Но вообще крупный переворотъ, потрясшій всѣ стороны жизни Японіи, сравнительно мало отразился въ области изобразительнаго искусства. Это и понятно. Законы художественнаго творчества лежатъ слишкомъ глубоко въ основахъ на-

родной психологіи, чтобы на нихъ могли вліять непосредственно происходящія въ области политической и экономической жизни катастрофы. Позднѣе, когда измѣнившіяся условія внѣшней жизни окажутъ вліяніе на сущность народнаго быта, а черезъ его посредство до извѣстной степени и на народный характеръ, тогда это измѣненіе отразится въ свою очередь и на свойствахъ художественнаго творчества, обогативъ его новыми вкладами. Пока же, въ періодъ броженія, то, что есть новаго въ этой области, носитъ по преимуществу несамостоятельный, подражательный характеръ и не представляетъ поэтому особаго интереса. Серьезнаго, самобытнаго прогресса за послѣднія десятилѣтія въ японской живописи не замѣчается.

Аналогичное явленіе мы можемъ прослѣдить и въ области японской художественной литературы. Переживаемый теперь Японіей моментъ никакъ нельзя назвать благопріятнымъ для нея. Художественная литература отражаетъ въ себѣ то, что уже сложилось въ жизни, отлилось въ опредѣленныя формы, поддающіяся отвлеченію въ образы. Между тѣмъ вся жизнь Японіи теперь въ броженіи, все съ верху до низу перестраивается, старое подвергается переоцѣнкѣ, иногда откидывается, иногда наполняется новымъ содержаніемъ. Японскій народъ, долгіе годы томившійся подъ гнетомъ деспотическаго произвола, скованный рабскими формами соціальныхъ отношеній, теперь весь охваченъ творческой горячкой, какъ будто хочетъ навер-

стать упущенное время. Каждый день приносить съ собой нѣчто новое или уносить какой-нибудь обломокъ отжившей старины. Въ такія эпохи роль художественной литературы трудна и неблагоприятна. Она не можетъ поспѣть за быстро мчащимся потокомъ жизни, не можетъ уловить и запечатлѣть его. Ей приходится или обращаться къ прошлому, къ исторіи, гдѣ все уже кристаллизовалось и легко поддается художественному воспроизведенію, или довольствоваться мимолетными снимками, эскизами, фотографіями жизни, не пытаясь придать имъ обобщающій характеръ, или, въ худшемъ случаѣ, подражать чужимъ образцамъ, не претвореннымъ еще въ собственномъ сознаніи.

Всѣ эти особенности мы и можемъ найти въ японской литературѣ текущаго момента. Несомнѣнно, знакомство съ неисчерпаемыми богатствами европейской литературы не могло пройти безслѣдно для японской. Прежде всего это вліяніе сказалось въ прямомъ подражаніи иностраннымъ образцамъ. Вслѣдъ за переводами иностранныхъ авторовъ, начавшими появляться во множествѣ съ самаго момента открытія гаваней европейцамъ, невольно развилось стремленіе писать въ томъ же родѣ, какъ они, заимствовать у нихъ темы, манеру обработки, даже особенности языка. Появились драмы изъ Оиванской жизни, романы на тему объ Аппіи и Виргиніи, передѣлки Шекспира, Свифта, Жюль Верна и тому подобныя, не имѣющія никакой почвы, произведенія. Другіе авторы, нѣсколько

болѣе самостоятельныя, пытались сохранить само-бытность въ содержаніи, ограничивая заимствованіе только формой. Они оставляли мѣстомъ дѣйствія Японію, но старались европеизировать свои персонажи, ихъ чувства, мысли и даже языкъ.

Осаки Токутара (псевдонимъ Койо) можетъ служить примѣромъ этого рода писателей. Въ его романахъ чувствуется самымъ непосредственнымъ образомъ вліяніе французскихъ и англійскихъ образцовъ. Языкъ у него сжатый, отрывистый, близкій по конструкціи къ англійскому. Темы же несомнѣнно навѣяны французскими психологическими романами. Безконечныя любовныя іереміады его героевъ совершенно чужды и непонятны японскимъ читателямъ. Тѣмъ не менѣе его произведенія пользуются значительной популярностью, такъ какъ въ нихъ чувствуется нѣчто новое, къ чему такъ жадно стремятся теперь всѣ въ Японіи.

Къ этой же категоріи принадлежитъ и *Судо-Нансуи*, авторъ такъ называемыхъ политическихъ романовъ. Изъ его произведеній особенной извѣстностью пользуются „Новыя женщины“. Героиня этого романа, молочница, читающая Спенсера, съ увлеченіемъ разсуждающая о женскихъ правахъ, играющая въ лаунъ-тенисъ. Станный выборъ ея профессіи объясняется тоже принципиальными причинами. Молоко, какъ извѣстно, не употреблялось прежде въ пищу въ Японіи, и пропаганда его явилась чуть не революціей. Въ концѣ концовъ идейная молочница выходитъ замужъ за передового парла-

ментскаго дѣателя. Художественныхъ достоинствъ въ этомъ романѣ немного, — на каждомъ шагу чувствуется подражаніе различнымъ европейскимъ писателямъ, — но значеніе его для Японіи никакъ нельзя отрицать, значеніе, конечно, скорѣй публицистическое, чѣмъ художественное. Японская молодежь читаетъ его съ такимъ же увлеченіемъ, какъ у насъ въ свое время читалось „Что дѣлать?“ Чернышевскаго.

Тенденціозная беллетристика не составляетъ новаго явленія въ Японіи. Пропаганда тѣхъ или другихъ идей, преимущественно нравственныхъ, нравственное воздѣйствіе на публику всегда считалось тамъ одною изъ главныхъ цѣлей какъ художественной литературы, такъ и театра. Въ статьѣ о японскомъ искусствѣ баронъ Суематсу пишетъ слѣдующее: „Въ Японіи идея „поощренія всего добраго и порицанія всего злого“ всегда имѣлась въ виду при писаніи романовъ или сочиненіи драматическихъ пьесъ. Я знаю, что есть противники этого взгляда. Они говорятъ, что на писаніе романовъ надо смотрѣть, какъ на искусство. Поэтому, если дана реальная дѣйствительность и обрисованы характеры, то цѣль этихъ произведеній достигнута. Я не думаю оспаривать этотъ аргументъ, я только констатирую, что въ Японіи смотрѣли на это иначе. У насъ всѣ характеры, выводимые на сценѣ, несутъ въ себѣ элементъ одобренія или порицанія, и всѣ эти пьесы и въ книгахъ и на сценѣ рассчитаны на то, чтобы

произвести то или другое сильное воздѣйствіе на душу читателя или зрителя“¹.

Такимъ образомъ элементъ пропаганды, встрѣчающійся въ современныхъ произведеніяхъ, не составляетъ чего-нибудь новаго, новы только проводимыя въ нихъ идеи.

Но, конечно, и теперь, какъ и прежде, далеко не всѣ авторы задаются такими публицистическими цѣлями. Многіе просто стремятся только познакомить своихъ читателей съ текущей жизнью, уловить ея характерныя черточки. Въ числѣ ихъ довольно видное мѣсто занимаетъ *Тсубутчи Юзо*, (псевдонимъ Шойо). Романы его написаны очень живо и иногда съ подлиннымъ юморомъ. Въ своемъ романѣ „Сосеи -Катаги“ онъ даетъ рядъ остроумныхъ сценокъ изъ жизни Токійскихъ студентовъ. Вообще, несмотря на явное подражаніе европейцамъ въ нѣкоторыхъ его вещахъ, — такъ, на примѣръ, въ драмѣ „Юлій Цезарь“, представляющей переложеніе Шекспира, — Тсубутчи сознаетъ необходимость развивать собственныя художественныя традиціи, хотя и обогащенныя новыми пріобрѣтеніями. Для пропаганды своихъ взглядовъ Тсубутчи основалъ литературно-критическій журналъ „Вазеда Бунгаку“, въ которомъ онъ старается доказывать ихъ теоретически и въ то же время иллюстрировать примѣрами.

Что касается содержанія новыхъ художествен-

¹ Stead „Japan by the Japanese“, ст. 347.

ныхъ произведеній, то оно, конечно, обогащается естественнымъ образомъ вслѣдствіе осложненія самой жизни. Но форма требуетъ сознательной обработки и обновленія. Мы уже говорили о безусловной необходимости реформировать японское письмо, представляющее слишкомъ тяжелый и громоздкій инструментъ, совершенно напрасно обременяющій память. Такая же реформа предстоитъ, вѣроятно, и самому языку. Традиціонный литературный языкъ съ каждымъ днемъ все больше отстаетъ отъ современнаго разговорнаго языка. Многія понятія, вошедшія уже въ жизненный обиходъ, не находятъ себѣ соотвѣтствующихъ изображеній въ китайскихъ идеографахъ, которыми пользуется японская письменность, и поэтому не получаютъ доступа въ литературу. Но постепенно несомнѣнно завоеванія языка, сдѣланныя въ жизни, найдутъ себѣ дорогу и въ письменность и обогатятъ ее новыми формами и понятіями. Самая манера изложенія въ настоящее время замѣтно упрощается подъ вліяніемъ знакомства съ европейскими писателями, хотя пока это замѣчается почти исключительно на беллетристикѣ. Научныя и даже публицистическія произведенія въ большинствѣ случаевъ пишутся еще въ старой манерѣ. Зато нѣкоторые современные беллетристы сдѣлали въ отношеніи формы громадныя успѣхи. Такъ, напримѣръ, *Ивайя Саса-нама* издалъ цѣлый рядъ небольшихъ рассказовъ и волшебныхъ сказокъ на темы старинныхъ легендъ, почти безукоризненныхъ по стилю.

Мы не станемъ, конечно, перечислять всѣхъ именъ современныхъ японскихъ писателей: ихъ очень много, и они очень различны по характеру и цѣнности своихъ произведеній. Но изъ числа ихъ до сихъ поръ еще не выдѣлилось ни одного имени, пользующагося всеобщимъ и исключительнымъ признаніемъ. Это все болѣе или менѣе рядовые, болѣе или менѣе интересные, но не перво-классные писатели. Японскіе критики ставятъ ихъ въ общемъ ниже писателей періода Токугавъ.

То же самое можно сказать и про театръ. Современные драмы и трагедіи, по мнѣнію специалистовъ, не могутъ сравниться съ излюбленными пьесами XVIII вѣка. Баронъ Суематсу заканчиваетъ свою статью о литературѣ слѣдующими словами: „Романовъ писалось и пишется теперь очень много. До сихъ поръ мы не произвели еще ни одного великаго писателя, равнаго талантамъ періода Токугавъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мы сдѣлали успѣхи. Въ то время какъ художественные писатели эпохи Токугавъ не обладали сами по себѣ большимъ образованіемъ, — современные авторы по большей части люди развитые и просвѣщенные; многіе изъ нихъ получили университетское образованіе и хорошо знакомы съ западной литературой. Если только публика поддержитъ ихъ и побудитъ продолжать ихъ дѣло, я вполне убѣжденъ, что они добьются успѣха. Я долженъ сказать, что новые люди современнаго поколѣнія писали также и драматическія произведенія. Однако до сихъ поръ

они не имѣли того, что можно назвать успѣхомъ. Ни одно изъ современныхъ произведеній не сравнилось съ „Чіушингуши“ (47 ронинъ) и „Сендаихаги“ періода Токугавъ¹.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать заключеніе, что художественное творчество въ Японіи вообще находится въ настоящее время въ періодѣ упадка. И въ этомъ заключеніи есть несомнѣнно большая доля истины. Ни живопись, ни литература, ни драматическое творчество не выдвинули въ послѣднія десятилѣтія именъ, которыя могли бы сравняться съ крупными художниками предыдущей эпохи. Съ этимъ мнѣніемъ, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ выше словъ барона Суематсу, согласны и сами японцы. И это вполне естественно. Творчество въ жизни имѣетъ несомнѣнно болѣе притягательную силу, чѣмъ творчество въ искусствѣ. И мы были бы болѣе удивлены, еслибъ въ періодъ такой интенсивной перестройки всѣхъ основъ жизни, въ моментъ напряженія всѣхъ созидательныхъ силъ націи мы встрѣтили бы тамъ расцвѣтъ спокойнаго художественнаго творчества. Когда жизнь окончательно отоляется въ новыя формы и установится, тогда настанетъ время ея отраженія — искусства. За то, что это время несомнѣнно наступитъ, говорить все прошлое японскаго народа, говорить его эстетическія склонности, говорить предшествовавшій расцвѣтъ художественнаго творчества и въ

литературѣ и въ живописи. Теперь же Японія переживаетъ моментъ, когда и силы, и интересы націи отвлечены отъ области искусства къ практической жизни и къ тѣмъ знаніямъ, какія имѣютъ болѣе непосредственное отношеніе къ ея устройству. Этотъ же фактъ подтверждается и наблюденіемъ надъ относительнымъ распространеніемъ печатныхъ произведеній, относящихся къ разнымъ отраслямъ.

За 1899 годъ общее количество всѣхъ печатныхъ произведеній, изданныхъ въ Японіи, равнялось 21.255. Если мы распредѣлимъ эти книги на нѣсколько крупныхъ группъ, то мы получимъ слѣдующую табличку:

	1899 г.
	Количество названій
Общественныя науки	5.720
Естественныя и матем. науки	2.219
Религія, философія и нравствен . .	1.431
Прикладныя знанія	2.886
Художественныя произведенія . . .	1.609
Сочиненія по искусству	1.457
Справочн. изд., брошюры и проч. . .	5.933 ¹

Изъ этихъ цифръ видно, что первое мѣсто въ ряду печатныхъ произведеній по количеству занимаютъ книги по общественнымъ наукамъ. Далѣе идутъ прикладныя знанія и естественныя и математическія науки, беллетристика же занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ.

¹ Цифры взяты изъ Таблицы печатныхъ произведеній въ „Résumé statistique“, за 1902 г., ст. 89.

Приведенныя нами цифры относятся исключительно къ оригинальнымъ произведеніямъ на японскомъ языкѣ. Между тѣмъ со времени открытія гаваней для европейцевъ переводная литература тоже стала очень быстро развиваться въ Японіи. Интересно, что изъ европейскихъ писателей прежде всего были переведены тоже не художники. Едва ли не первымъ въ японскомъ переводѣ появился Смайльсъ. За нимъ послѣдовали Джонъ Стюартъ Миль, Спенсеръ и Кантъ. Шопенгауэръ одно время оказывалъ громадное вліяніе на японскую молодежь. Но въ послѣдніе годы его совершенно затмилъ Ницше. Потомъ стали появляться и переводы великихъ художниковъ. Въ настоящее время почти всѣ европейскіе классики переведены уже на японскій языкъ. Изъ русскихъ авторовъ наибольшей извѣстностью тамъ пользуются Толстой, Достоевскій, Тургеневъ, Короленко и въ послѣдніе годы — Горькій. При этомъ относительно Толстого надо замѣтить, что его знаютъ тамъ, главнымъ образомъ, какъ моралиста и проповѣдника. Хотя его художественныя произведенія и ставятся тамъ очень высоко, но еще большее впечатлѣніе производитъ его моральное и философское ученье.

Количество печатныхъ произведеній, ежегодно выходящихъ въ странѣ, служить, конечно, очень важнымъ показателемъ ея культуры. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками данныхъ, чтобы сопоставить въ этомъ отношеніи Японію съ европейскими странами. Впрочемъ, Богуславскій при-

водитъ количество печатныхъ произведеній, появившихся въ Россіи, безъ Финляндіи, за 1894 г. Ихъ было 10,651. Въ Японіи въ томъ же году было издано 28.212 произведеній, что составляетъ въ Японіи одно печатное произведеніе на 1.600 чело-вѣкъ, а въ Россіи — одно печатное произведеніе на 11.000 ¹. При этомъ количество издаваемыхъ книгъ растетъ въ Японіи чрезвычайно быстро. Если мы возьмемъ данныя за послѣднія 15 лѣтъ, то получится увеличеніе на 115⁰/₀, т. к. въ 1884 г. было издано всего 9.893 сочиненія, а въ 1898 — 21.225.

Что касается періодической прессы, то ростъ ея за послѣдніе годы еще поразительнѣе. Періодическая пресса отражаетъ въ себѣ жизнь текущаго момента, отзываясь на запросы дня, поэтому въ періоды, когда пульсъ общественной жизни повышается, она пріобрѣтаетъ особое значеніе.

Нельзя сказать, чтобы газета совсѣмъ не была извѣстна въ Японіи до реставраціи. Наоборотъ, стремленіе знакомить обывателей съ важнѣйшими событіями общественной жизни существовало тамъ давно, и періодическія изданія, до нѣкоторой степени играющія роль газеты, имѣютъ тамъ почти трехвѣковую исторію. Еще въ началѣ XVII вѣка тамъ начали время отъ времени появляться бюллетени, содержащіе въ себѣ перечень важнѣйшихъ событій современной жизни. Печатались они съ деревянныхъ клише, выходили въ свѣтъ въ неопре-

¹ Богуславскій, „Японія“, ст. 185.

дѣленные сроки и даже рѣдко составлялись однимъ и тѣмъ же издателемъ. Объединяло ихъ лишь общее названіе „*Юмѣири*“ (что значитъ „продаваемые въ розницу“) и общій характеръ опубликованія ко всеобщему свѣдѣнію всевозможныхъ новостей. Выходили эти своеобразныя газеты въ нѣсколькихъ наиболѣе крупныхъ центрахъ — Іедо, Осака и Кіото, и распродавались, главнымъ образомъ, тамъ же. Ни правильной подписки, ни рассылки по другимъ городамъ не было, конечно, организовано. Жители провинціи должны были ждать, пока кто-нибудь изъ столичныхъ знакомыхъ вспомнить о нихъ и перешлетъ съ оказіей номеръ. Да и въ тѣхъ городахъ, гдѣ они появлялись, съ распространеніемъ ихъ не особенно торопились. Только въ исключительныхъ случаяхъ ихъ спѣшили издать поскорѣе, и публика быстро раскупала ихъ. Такъ въ исторіи отмѣченъ тотъ фактъ, что происшедшій въ 1703 г. подвигъ 47 рониновъ, отмстившихъ за казнь своего даймѣоса, былъ опубликованъ въ Іедо черезъ нѣсколько часовъ послѣ его совершенія ¹.

Кромѣ этихъ частныхъ бюллетеней, со времени шогуната Токугавъ издавались официальные вѣдомости о государственныхъ и другихъ событіяхъ, называемыя „Газета Юки“. Онѣ выходили ежедневно, кромѣ праздниковъ, и рассылались всѣмъ чиновникамъ и нѣкоторымъ привилегированнымъ лицамъ.

¹ Stead, „Japan by the Japanese“, статья Зумото, стр. 551.

Оба эти вида періодическихъ изданій продолжали издаваться вплоть до переворота. Въ 1871 г. въ Іокогамѣ появилась первая настоящая газета современнаго типа „Маиничи“. Впослѣдствіи изданіе ея было перенесено въ Токио, и тамъ она продолжаетъ выходить до настоящаго времени. Въ 1872 г. англичанинъ Блэкъ сталъ издавать въ Токио большую газету „Нишинъ-Шинджи-Ши“. Вслѣдъ за тѣмъ появились слѣдующія старѣйшія японскія газеты: „Ничи-Ничи“, „Хоши“, „Ниппонъ“ и „Іоміури Шимбунъ“, и газетное дѣло окончательно упрочилось въ Японіи.

Въ 1887 г., т.-е. черезъ 15 лѣтъ послѣ появленія первыхъ газетъ, въ Японіи насчитывалось уже 470 періодическихъ изданій, выходившихъ въ 96.000 экземпляровъ. Въ 1899 г., еще черезъ 12 лѣтъ, ихъ было уже 978, выходившихъ въ 464.500 экз. Среди всѣхъ этихъ періодическихъ изданій главное мѣсто принадлежитъ газетамъ. Въ одномъ Токио ихъ выходитъ въ настоящее время болѣе двадцати, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ до 100.000 подписчиковъ. Изъ нихъ „Иорозу Чохо“—газета уличнаго типа. Наиболѣе серьезными тамъ считаются „Джиджи Шимпо“ (Время) и „Ничи Ничи“; кромѣ этихъ двухъ есть еще 6 или 7 такъ называемыхъ большихъ газетъ, остальные принадлежатъ къ мелкой прессѣ. Всѣ эти газеты ежедневныя, но только одна изъ нихъ „Маизеки Шимбунъ“ имѣетъ вечернее изданіе. Впрочемъ, въ случаѣ полученія какихъ-нибудь важныхъ извѣстій, почти всѣ выпу-

скаютъ вечернія прибавленія, и тогда всѣ улицы наполняются мальчиками съ колокольчиками, продающими эти листки.

Провинціальная пресса тоже сильно развилась за послѣдніе годы. Почти въ каждомъ значительномъ городѣ есть одна или двѣ мѣстныя газеты, а осакская газета, напримѣръ, „Осака Асами“, конкурируетъ по распространенности съ „Иорозу Чохо“ въ Токио. Количество подписчиковъ у нея тоже равняется почти 100.000. Обычная подписная цѣна японской газеты отъ 30 — 60 сенъ въ мѣсяцъ или 1,2 сены за номеръ. Такая дешевизна газетъ сдѣлала сразу возможнымъ очень широкое распространение ихъ. Городское населеніе почти все читаетъ теперь газеты. Даже дженерикшу нерѣдко можно видѣть съ номеромъ газеты въ рукахъ.

Кромѣ газетъ, въ Японіи выходитъ также множество ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналовъ. Объ одномъ изъ нихъ, „Рабочій Міръ“, мы уже упоминали, онъ принадлежитъ къ числу наиболѣе принципиальныхъ японскихъ журналовъ. Большинство остальныхъ или чисто литературные, или спеціально научные. По типу они ближе подходятъ къ европейскимъ „revues“, чѣмъ къ нашимъ „толстымъ журналамъ“. Изъ нихъ наибольшей извѣстностью пользуются „Теикоку Бунгаку“ — чисто литературный и „Тайо“ и „Секанно Ниппонъ“ — литературные и политическіе.

Помимо этихъ большихъ журналовъ, въ Японіи существуетъ множество ежемѣсячниковъ всевозмож-
Японія.

ныхъ обществъ, клубовъ и союзовъ, которыми такъ богата въ настоящее время Японія. Нѣкоторые изъ нихъ находятъ распространеніе и среди не членовъ обществъ.

Нѣкоторымъ показателемъ роста потребности въ книгѣ можетъ служить также количество библіотекъ. Первая большая библіотека была основана въ Токио въ 1872 г. Кромѣ этой императорской публичной библіотеки и университетской, въ японской столицѣ существуетъ въ настоящее время *шестьдесятъ* частныхъ библіотекъ¹. Въ остальныхъ городахъ количество библіотекъ значительно меньше, но все-таки нѣтъ ни одного порядочнаго города, гдѣ не было бы двухъ-трехъ библіотекъ. Во многихъ изъ нихъ, на ряду съ японскими, имѣются книги и на европейскихъ языкахъ.

8.

Положеніе женщины въ Японіи.

Для того, чтобы понять то своеобразное положеніе, какое занимала въ Японіи женщина въ моментъ переворота, мы должны вернуться нѣсколько назадъ и бросить взглядъ на тѣ вліянія, подъ которыми исторически слагалась въ Японіи жизнь женщины.

На зарѣ исторіи, въ періодъ родового быта, жизнь женщины тамъ, какъ и вездѣ, складывалась вполне естественно, сообразно съ той ролью, какую

¹ E. Schultze. „Freie öffentliche Bibliotheken“, стр. 246.

она играла въ хозяйственной жизни. Женщина была необходимымъ работникомъ въ семьѣ и занимала въ ней такое же положеніе, какъ и остальные члены рода, т. е. подчиненное по отношенію къ главѣ рода и равное съ другими. Нѣкоторый недостатокъ въ женщинахъ, испытывавшійся племенемъ завоевателей, заставлялъ даже особенно цѣнить женщину и ставить ее иногда во главѣ маленькой семейной ячейки, не обладавшей, впрочемъ, никакой самостоятельностью въ отношеніи къ большому роду.

Въ этотъ легендарный періодъ японской исторіи женщина была даже императрицей Японіи, что уже не повторялось болѣе. Знаменитая Джинго и до сихъ поръ считается образцомъ мужества и воинственнаго духа, которому рекомендовалось подражать юношеству, конечно, преимущественно мужского пола.

Нѣкоторое влияніе на судьбу японской женщины, имѣло распространеніе буддизма. Мы отмѣчали въ свое время то воздѣйствіе, какое оказалъ буддизмъ на ходъ японской исторіи. Говоря вообще, буддизмъ поднялъ значеніе личности и содѣйствовалъ тѣмъ распаденію тяжело давившихъ на человѣка оковъ рода. Но подъ личностью тутъ слѣдуетъ подразумѣвать, главнымъ образомъ, личность мужчины. Буддизмъ, съ своей сильной тенденціей къ аскетизму, невольно низводилъ женщину на болѣе низшую ступень сравнительно съ мужчиной. Гуманный и въ отношеніи

ея, какъ въ отношеніи всѣхъ вообще живыхъ существъ, онъ не рекомендовалъ ни притѣснять, ни унижать ее, — онъ только смотрѣлъ на нее, какъ на существо неравноцѣнное мужчинѣ. Этотъ взглядъ религіи, входя въ нравы, невольно накладывалъ свой отпечатокъ на отношенія между людьми, вносилъ въ нихъ элементъ неравенства, — благожелательной опеки, съ одной стороны, и почти тельнаго подчиненія — съ другой.

Осложненіе социальныхъ условій, обособленіе феодалнаго дворянства еще сильнѣе воздѣйствовало въ томъ же направленіи. Женщина не могла принимать участія въ главномъ занятіи мужчинъ — войнахъ, и ей естественно отводилась второстепенная роль въ жизни. Въ замкахъ дайміосовъ и въ домахъ самураевъ женщины вели уединенную замкнутую жизнь, поглощенные хозяйственными работами, самоотверженно преданные своимъ мужьямъ. Иногда, въ наиболѣе богатыхъ домахъ, избавленные отъ мелочныхъ работъ по хозяйству, онѣ наполняли свои досуги литературными занятіями и часто въ отношеніи образованія далеко оставляли за собой своихъ мужей, проводившихъ время въ войнахъ и военныхъ упражненіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ свѣтскихъ женщинъ феодалной эпохи оставили замѣтное имя въ литературѣ. Но эти рѣдкія исключенія не нарушали общаго фона — подчиненія женщины. Элементъ рыцарскаго преклоненія женщинѣ, составлявшій неотъемленную принадлежность европейскаго феодализма, совершенно отсутствовалъ въ Японіи.

Японскіе странствующие рыцари-ронины всегда готовы были вступить за женщину, какъ за существо слабѣйшее и часто обиженное, но они никогда не ставили ее на пьедесталь и не поклонялись ей, какъ Европейскіе рыцари и трубадуры. Они никогда не забывали, что передъ ними существо низшее.

Особенно сильную роль сыгралъ въ этомъ отношеніи конфуціанизмъ. Онъ окончательно санкціонировалъ этотъ строй, основанный на подчиненіи женщины. Онъ принесъ съ собой въ Японію уже настоящее презрѣніе къ женщинѣ. Онъ видѣлъ въ ней не только низшее сравнительно съ мужчиной существо, но существо, специально предназначенное для службы мужчинѣ, его рабыню, его вещь. Всего полнѣе и ярче выразился этотъ взглядъ конфуціанизма на женщину въ знаменитомъ поученіи Кайбары, Омна Даигаку (Величайшее поученіе для женщины), написанномъ имъ въ XVII вѣкѣ, но не потерявшемъ значенія и до сихъ поръ. Знаніе поученія Кайбары до самаго послѣдняго времени считалось обязательнымъ для всякой японской женщины, и изучать она его должна была съ дѣтства, чтобы въ плоть и кровь впитать его наставленія. Въ виду той важности, какую имѣло это поученіе — какъ идеаль правильныхъ семейныхъ отношеній, мы позволимъ себѣ привести большой отрывокъ его, цитируемый Чемберленомъ въ его „Things Japanese“ (стр. 498 и сл.).

„Такъ какъ дѣвушкѣ, по достиженіи надлежащаго возраста, суждено войти въ новый домъ и жить въ подчиненіи у своихъ свекра и свекрови, то для нея является еще болѣе настоятельнымъ, чѣмъ для молодого человѣка, принимать съ полнымъ благоговѣніемъ наставленія родителей. Если они, отъ избытка нѣжности, позволяютъ ей вырасти самовольной, то она неминуемо окажется капризною въ домѣ своего мужа и такимъ образомъ оттолкнетъ отъ себя привязанность; воспитанная такъ дѣвушка, если ея свекоръ будетъ человѣкомъ надлежащихъ принциповъ, найдетъ ярмо этихъ послѣднихъ невыносимымъ. Она возненавидитъ и будетъ проклинать своего свекра, и результатомъ этихъ домашнихъ разногласій будетъ изгнаніе ея изъ дома мужа и тѣмъ самымъ покрытіе ея позоромъ. Ея родители, забывъ объ ошибочномъ воспитаніи, которое дали ей, можетъ быть, будутъ порицать ея свекра; но они будутъ неправы, потому что все несчастье по справедливости должно быть приписано именно ихъ ошибкѣ.

„Для дѣвушки болѣе драгоцѣнно добродѣтельное сердце, чѣмъ красота наружная. Сердце порочной женщины всегда раздражено; она дико смотритъ кругомъ себя, мечетъ свой гнѣвъ на другихъ, ея слова суровы и рѣчь вульгарна. Когда она говоритъ, то только для того, чтобы ставить себя выше другихъ, порицать другихъ, завидовать другимъ, превозносить себя съ гордостью, осмѣивать другихъ, — словомъ поступать въ разрѣзъ

всему тому, что должна дѣлать женщина. Единственныя качества приличныя женщинѣ, это—кроткое послушаніе, цѣломудріе, состраданіе и спокойствіе.

„Въ Китаѣ бракъ называется возвращеніе, — по той причинѣ, что женщина должна считать домъ мужа своимъ собственнымъ, и что когда она выходитъ замужъ, то въ дѣйствительности какъ будто бы возвращается къ тому, кому предопредѣлена небесами отъ рожденія. Какъ бы низменно ни было положеніе ея мужа и какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, она отнюдь не должна тяготиться имъ, но должна считать бѣдность, которую небу угодно было послать ей, какъ повелѣніе неумолимой судьбы. Мудрецъ старины (Конфуцій) училъ, что, разъ выйдя замужъ, женщина уже не должна оставлять домъ своего мужа, и если, сбившись съ пути, она вынудить мужа развестись съ нею, то тѣмъ самымъ покроетъ себя позоромъ до послѣдняго часа своего. Поводомъ для развода могъ быть одинъ изъ семи грѣховъ ея, которые такъ и называются семь причинъ для развода: 1) непослушаніе свекру или свекрови; 2) безплодіе, — потому что бракъ служитъ единственно для того, чтобы дать мужчинѣ потомство. Безплодная женщина, однако, можетъ оставаться женой, если только сердце ея добродѣтельно и ея поведеніе корректно и свободно отъ ревности, въ каковомъ случаѣ отсутствіе дѣтей можетъ быть возмѣщено усыновленіемъ ребенка, состоящаго въ кровномъ родствѣ съ мужемъ. Мужъ

можетъ оставить у себя безплодную жену также и въ томъ случаѣ, когда у него есть дѣти отъ наложницы; 3) прелюбодѣяніе; 4) ревность; 5) проказа или какая-нибудь дурная болѣзнь; 6) сварливость или болтливость, мутящія добрыя отношенія между родственниками и вообще нарушающія миръ въ домѣ, и 7) наклонность къ воровству. Всѣ эти семь причинъ для развода указаны мудрецомъ. Женщина, разведенная съ мужемъ, сбилась съ своего пути и остается покрытой величайшимъ позоромъ, даже если бы ей удалось вступить во второй бракъ съ человѣкомъ богатымъ и занимающимъ почетное положеніе.

„Главными обязанностями дѣвушки, пока она остается въ родительскомъ домѣ, являются любовь и почтеніе къ своимъ отцу и матери. Но такъ какъ, выйдя замужъ, она продолжаетъ потомство не ихъ, а родителей своего мужа, то послѣ брака ея главной обязанностью дѣлается—читать своихъ свекра и свекровь, чтить ихъ выше своихъ собственныхъ родителей, любить и почитать ихъ со всѣмъ пыломъ и относиться къ нимъ даже во всѣхъ мелочахъ съ дочернимъ уваженіемъ.

„Почитая своихъ собственныхъ родителей, она ни секунды не должна переставать думать о родителяхъ мужа. Женщина не должна переставать ни днемъ, ни ночью отдавать имъ должное почтеніе. Никогда не должна она отказываться ни отъ какой работы, совершенія которой они потребуютъ отъ нея; должна исполнять со всѣмъ почтеніемъ при-

казанія своего свекра и никогда не возмущаться противъ нихъ. Во всемъ она должна спрашивать позволенія свекра и свекрови и слѣдовать указанному ими направленію... Женщина, если даже они найдутъ удовольствіе ненавидѣть тебя и оказывать надъ тобой насилія, то не сердись на нихъ и не ропщи на нихъ! Если ты обнаружишь почтеніе къ нимъ до крайнихъ предѣловъ и будешь относиться къ нимъ со всей сердечностью, то не можетъ быть иначе, чтобы въ концѣ концовъ и они не отнеслись къ тебѣ дружелюбно“...

„Женщина должна смотрѣть на своего мужа, какъ на господина, и должна служить ему съ благоговѣніемъ и почтеніемъ, никогда не позволяя себѣ думать о немъ съ неодобреніемъ или легкомысленно. Великій долгъ женщины во всю ея жизнь есть послушаніе. При обращеніи къ мужу какъ выраженіе лица жены, такъ и манеры ея должны быть вѣжливы, скромны и кротки, и отнюдь не своенравны и сварливы, не грубы и не притязательны. Объ этомъ женщина должна заботиться прежде и главнѣе всего. Когда мужъ дѣлаетъ распоряженія свои, жена никогда не должна ослушаться его. Въ сомнительныхъ случаяхъ она должна переспросить его и послушно слѣдовать его указаніямъ. Если когда-либо мужъ обратится къ ней съ вопросомъ, она должна внимательно и точно отвѣчать ему. Необдуманный отвѣтъ есть признакъ грубости. Если когда-либо мужъ разгнѣвается, то жена должна слушать его со стра-

хомъ и трепетомъ, а отнюдь не сердиться на него и не озлобляться противъ него. Жена должна смотрѣть на своего мужа, какъ будто бы онъ само небо, и никогда не устаетъ думать о томъ, какъ лучше подчиниться ему и тѣмъ избѣжать небесной кары“...

„Пусть жена никогда даже и не думаетъ о ревности. Если мужъ будетъ вести себя развратно, она должна кротко упрекнуть его; но никогда не должна допустить въ душѣ своей гнѣвъ и тѣмъ болѣе не должна обнаруживать его. Если ревность ея дойдетъ до крайности, то выраженіе лица ея сдѣлается ужаснымъ и рѣчь ея — отталкивающей; и это можетъ повести только къ полному отчужденію отъ нея мужа, для котораго она сдѣлается невыносимой. Если мужъ поступаетъ дурно и неблагоразумно, она должна, прежде чѣмъ увѣщевать его, добиться кроткаго выраженія лица своего и смягченія своего голоса; и если онъ будетъ гнѣваться и не будетъ слушать ея увѣщаній, то она должна переждать, пока у него не пройдетъ это настроеніе, и пытаться снова увѣщевать его не ранѣе того, какъ сердце его смягчится... Женщина, никогда не обращающаяся къ мужу съ сердитымъ лицомъ и крикливымъ голосомъ“!..

„Женщина должна всегда строго слѣдить за своимъ поведеніемъ. Утромъ она должна вставать рано, а вечеромъ — ложиться поздно. Вмѣсто того, чтобы спать посреди дня, она должна быть внимательна къ обязанностямъ по хозяйству и не уста-

вать ткать, шить и прастъ. Она не должна много думать о чаѣ и о винѣ и не должна также баловать свои глаза и уши театральными представленіями, пѣснями и разсказами. Пока ей не исполнится сорокъ лѣтъ, она не должна также посѣщать часто храмовъ (ни шинто, ни буддійскихъ) и другихъ подобныхъ мѣстъ, гдѣ есть большое стеченіе народа. Она не должна позволять вводить себя въ заблужденіе гадальщикамъ и ворожеямъ и входить въ непочтительную близость съ богами и также не должна быть постоянно занята молитвами. Если только она удовлетворительно исполняетъ свои обязанности, въ качествѣ человѣческаго существа, то можетъ совершать молитвы одна, не боясь, что божественный промыселъ перестанетъ заботиться о ней“ ...

„Пять самыхъ дурныхъ болѣзней духа присущи женщинѣ: непослушаніе, вѣчное недовольство, любовь къ клеветѣ, ревность и глупость. Безъ всякаго сомнѣнія этими пятью болѣзнями страдаютъ семь или восемь изъ десяти женщинъ, и уже отсюда ясна низменность природы женщинъ сравнительно съ природою мужчинъ. Женщина должна лѣчить эти болѣзни съ самоуглубленіемъ и самоосужденіемъ. Самая худая изъ нихъ, являющаяся матерью другихъ четырехъ болѣзней, это—глупость. Природа женщины пассивна. Пассивность же, будучи одной природы съ ночью, темна. Отсюда и выходитъ, что неблагоразуміе женщины мѣшаетъ ей понимать свои прямыя обязанности, что она не

замѣчаетъ своихъ поступковъ, которые навлекаютъ позоръ на ея собственную голову, и не понимаетъ даже вещей, которыя навлекаютъ бѣдствія на головы ея мужа и дѣтей. Ни тогда, когда она порицается, обвиняется и проклинаетъ невинныхъ людей, ни тогда, когда ревнуетъ къ другимъ, думая только о себѣ самой, не видитъ она, что является своимъ собственнымъ врагомъ, отталкивая отъ себя другихъ и навлекая на себя ихъ ненависть... Печальныя ошибки! Затѣмъ, въ воспитаніи своихъ дѣтей ея слѣпая любовь къ нимъ внушаетъ ей ошибочный образъ дѣйствій. Такъ велика прирожденная ей глупость, что ей надлежитъ во всѣхъ мелочахъ не довѣрять себѣ самой и слушаться своего мужа“.

„До насъ дошло, что въ обычаѣ древнихъ было, при рожденіи ребенка женскаго пола, класть его на полъ на три дня. Даже въ этомъ можно видѣть уподобленіе мужчины небу, а женщины—землѣ; и обычай этотъ долженъ былъ бы научить женщину, какъ необходимо для нея во всемъ уступать мужу первое мѣсто, а для себя довольствоваться вторымъ; избѣгать гордости, даже если бы ея поступки и заслуживали похвалы; и, съ другой стороны,—если она перейдетъ границы и навлечетъ на себя порицаніе,—стараться преодолѣть себя и исправить свою ошибку, и такъ вести себя, чтобы потомъ уже не подвергаться осужденію; переносить безъ гнѣва и негодованія насмѣшки другихъ, терпя ихъ со сдержанностью и кротостью. Если

женщина будетъ поступать такимъ образомъ, то ея супружескія отношенія не могутъ быть иными, какъ гармоничными и продолжительными, а ея домашній очагъ—мѣстомъ мира и согласія“.

„Родители, учите изложеннымъ выше правиламъ своихъ дѣтей съ нѣжнѣйшаго ихъ возраста; заставляйте ихъ переписывать эти правила отъ времени до времени, чтобы они могли выучить ихъ и никогда не забывать. Гораздо лучше, чѣмъ надѣленіе дочерей одеждами и различной утварью,—что дѣлаютъ нынѣ отцы такъ расточительно, отдавая дочерей своихъ замужъ,—было бы обученіе ихъ въ совершенствѣ этимъ наставленіямъ, которыя хранили бы ихъ какъ драгоцѣнный талисманъ, въ теченіе ихъ жизни. Какъ справедливо древнее изрѣченіе: мужчина знаетъ, какъ истратить миллионъ при выдачѣ своей дочери замужъ, но не знаетъ, какъ истратить сто тысячъ на воспитаніе своего ребенка. Тотъ, кто имѣетъ дочерей, долженъ принять это близко къ сердцу“¹.

Можно себѣ представить, къ какимъ результатамъ въ семейной жизни привело стремленіе къ этому идеалу. Женщина въ семьѣ постепенно утратила всякую тѣнь самостоятельности, всякое подобіе независимой человѣческой личности. Все ея значеніе свелось на чисто служебную роль экономки въ домѣ своего мужа, кормилицы и

¹ Цитируемъ по переводу Н. П. А. въ статьѣ „Женскій вопросъ въ Японіи“ М. Б., 1904 г. июнь.

няньки своихъ дѣтей. Въ теченіе долгихъ вѣковъ изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитывались въ японской женщинѣ эти пассивныя добродѣтели, и въ концѣ концовъ цѣль была въ значительной степени достигнута. Едва-ли можно указать страну, въ которой женщина до такой степени полно осуществляла бы идеаль примѣрной жены, хозяйки и матери.

Съ самага ранняго младенчества дѣвочкѣ внушается, что ея главною добродѣтелью должно быть послушаніе, послушаніе сначала родителямъ, а впослѣдствіи избранному ей мужу. Въ семьѣ ее приучаютъ исполнять разныя женскія работы, помогать матери по хозяйству, и выполнять съ пунктуальною точностью всѣ сложныя требованья японскаго этикета. Нерѣдко къ этому присоединяется еще обученіе обиходной грамотѣ. Къ 15, 16-ти годамъ образованіе японской дѣвушки должно быть закончено. Она должна умѣть одѣться, соорудить свою сложную прическу, подвязать обязательный кушакъ-оби, скроить и сшить эту самую одежду для себя и для своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, приготовить разнообразныя кушанья японскаго стола, содержать въ должномъ порядкѣ домъ, принять и угостить гостей, сдѣлавъ имъ установленное количество поклоновъ и подавъ съ требуемыми церемоніями чай. И главное, она должна все время сохранять на губахъ любезную улыбку, никогда, ни при какихъ случаяхъ жизни не выходить изъ себя и не повышать голоса. Это послѣднее искусство по отзывамъ всѣхъ, посѣщавшихъ Японію, дости-

гается въ совершенствѣ тамошней женщиной. Никогда нельзя увидѣть японскую женщину, измѣнившую своему самообладанью, разсерженную, кричащую. Даже въ низшихъ слояхъ общества—типъ базарной крикуни совершенно неизвѣстенъ въ Японіи. Когда воспитаніе дѣвушки закончено, родители приступаютъ къ выбору для нея жениха. При общей мягкости нравовъ, господствующей въ Японіи, дѣвушку рѣдко принуждаютъ насильно выходить за того, кто ей непреодолимо противенъ. Но зато еще болѣе рѣдко она выражаетъ такія чувства по отношенію къ указанному ей кандидату. Во-первыхъ, въ дѣвичество она почти никогда не имѣетъ случая знакомиться съ молодыми людьми, во-вторыхъ, въ ней слишкомъ укоренилась привычка скрывать свои истинныя чувства изъ повиновенія старшимъ. И вотъ она выходитъ замужъ, чтобъ изъ послушной дочери превратиться въ послушную жену. Въ ознаменованіе того, что весь ея міръ теперь заключается въ домѣ мужа, и за предѣлами его никто для нея не существуетъ, тамъ до послѣдняго времени сохранялся обычай, чтобы дѣвушка, въ день свадьбы чернила себѣ зубы. Этимъ она наглядно доказываетъ, что не желаетъ больше считаться ни съ чѣмъ мнѣніемъ и пренебрегаетъ своей наружностью.

Если до замужества жизнь японской дѣвушки состояла сплошь изъ непрестаннаго исполненія дочерняго долга, то теперь ея обязанности еще усложняются, и свобода урѣзывается, если возможно,

еще болѣе. Прежде всего молодые люди, какъ и дѣвушки, женятся обыкновенно очень рано, когда они еще не встали на свои ноги и не вышли изъ подъ родительской опеки. Поэтому молодат не образуетъ съ мужемъ самостоятельную семью, а входитъ въ семью свекра, и требованья Кайбары о безусловномъ подчиненіи родителямъ мужа пріобрѣтають совершенно реальный смыслъ. Въ отношеніи къ нимъ она становится такимъ же неполноправнымъ ребенкомъ, какимъ была въ собственной семьѣ. Только тутъ прибавляется еще лишній господинъ—мужъ и лишнія заботы о его comfortъ и удобствахъ. И при этомъ подчиненіе мужу и безпрекословное исполненіе всѣхъ его требованій является не только исполненіемъ добровольно принятыхъ обязательствъ, какъ бы нравственнымъ долгомъ жены, оно является для нея неизбѣжнымъ не „только за совѣсть, но и за страхъ“, такъ какъ въ рукахъ мужа находится страшное орудіе—разводъ. До недавняго времени инициатива развода вполнѣ и исключительно принадлежала тамъ мужу, причемъ дѣти по закону всегда оставались отцу. Мужья довольно безцеремонно пользовались предоставленнымъ имъ правомъ и безъ особыхъ стѣсненій отсылали отъ себя надоевшую имъ экономку — жену, чтобы замѣнить ее новой. Разводъ, какъ и бракъ, до послѣдняго времени не были обставлены никакими особыми трудностями и совершались поэтому очень просто. Въ среднемъ, въ прежнее время на три брака считался одинъ разводъ. Между тѣмъ по-

ложеніе, въ какое попадала отставленная жена, было крайне тяжело. Лишенная всякихъ средствъ къ существованію, непригодная къ какой бы то ни было роли, кромѣ роли жены, матери и дочери, она, переставъ быть женою и матерью, снова возвращалась въ первобытное состояніе дочери, т.-е. падала на руки родителямъ, въ домѣ которыхъ далеко не всегда была желанной гостей. Можно себѣ представить въ виду этого, какъ напряженно держится обыкновенно женщина за свое положеніе у семейнаго очага, стараясь предупреждать малѣйшія желанія своего повелителя, чтобы не вызвать его гнѣва и своего изгнанія.

Даже когда являются дѣти, молодая мать не становится самостоятельной воспитательницей ихъ. Правда, всѣ заботы о кормленіи и няньченіи дѣтей цѣликомъ лежатъ на ней, но верховный надзоръ за воспитаніемъ, руководство имъ находятся въ рукахъ родителей мужа.

Еще тяжелѣе положеніе бездѣтной женщины. Японскіе законы очень жестоки въ отношеніи жены, не имѣющей дѣтей. Прежде всего, мужъ имѣетъ неоспоримое право развестись съ такой женщиной. Но, кромѣ того, онъ можетъ безпрепятственно взять себѣ въ домъ одну или двухъ наложницъ—мекаке, и первая жена обязана смотрѣть на ихъ дѣтей, какъ на своихъ собственныхъ и съ ними самими обращаться съ предупредительной любезностью. Нужна громадная выдержка и самообладанье, съ дѣтства развиваемыя въ японской женщинѣ, чтобы

безропотно сносить такое положеніе. Конечно, случается, что женщина не выдерживаетъ принятой на себя роли и такъ или иначе проявляетъ свое неудовольствіе и свою ревность. Обыкновеннымъ финаломъ въ такомъ случаѣ является разводъ. Иногда на этой почвѣ возникаютъ драматическія коллизіи, ведущія къ трагическимъ развязкамъ. Но это случается рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ привитая воспитаніемъ сдержанность и привычка къ повиновенію, вмѣстѣ съ опасеніемъ развода, одерживаютъ верхъ надъ естественными чувствами женщины, и она покорно продолжаетъ нести свое ярмо примѣрной жены и хозяйки.

Такимъ образомъ, проходитъ жизнь японской женщины, вся на службѣ другимъ, лишенная всякой самостоятельности, даже въ единственномъ важномъ дѣлѣ, предоставленномъ ей, дѣлѣ воспитанія собственныхъ дѣтей. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда родители мужа рано умираютъ или мужъ уѣзжаетъ отъ нихъ, она избавляется отъ части стоящаго надъ ней начальства. Иначе ей приходится ждать, пока въ силу естественнаго закона природы, она переживетъ ихъ, и сама попадетъ въ почетную роль свекрови, перейдя изъ подначальнаго въ начальствующее положеніе. Но къ этому времени годы берутъ свое, и она уже не въ состояніи проявить въ чемъ-нибудь свою индивидуальность. Волей-неволей ей приходится ограничить свою роль наблюденіемъ за строгимъ выполненіемъ все той же рутины. При этихъ условіяхъ установленныя разъ

навсегда семейныя начала соблюдаются крайне строго, традиціи исполняются съ щепетильной точностью, и случаи нарушенія ихъ крайне рѣдки.

Но, конечно, люди вездѣ люди. И какъ ни удобны для японскихъ мужей подобныя дисциплинированныя жены, онѣ все-таки не удовлетворяютъ ихъ вполне. И, съ другой стороны, какъ тщательно ни воспитывается подобный типъ женщины, — не всякая женская индивидуальность вкладывается въ его рамки. Подъ вліяніемъ обѣихъ этихъ причинъ, японская жизнь съ давнихъ поръ создала нѣкотораго рода коррективъ къ выработаннымъ ею же формамъ. Рядомъ съ женщиной, одаренной исключительно семейными добродѣтелями, появилась женщина, развивающая въ себѣ другія свойства, отвѣчающія эстетическимъ и умственнымъ запросамъ челоука. Эти женщины выдѣлились въ совершенно особую категорію, получившую названіе гейшъ. Гейша — явленіе исключительно японское, не имѣющее ничего аналогичнаго въ современной Европѣ. Ее можно сравнить развѣ только съ греческой гетерой.

Гейша съ дѣтства готовится къ своей специальной роли. Для этого ее отдають къ особой воспитательницѣ, развивающей въ ней природную грацію, обучающей ее всевозможнымъ танцамъ, пѣнію и игрѣ на нѣкоторыхъ музыкальныхъ инструментахъ, преимущественно на излюбленномъ японцами самизенѣ (струнный инструментъ, въ родѣ мандолины). Рядомъ съ этимъ идетъ и умственное

образованіе будущей гейши—ее обучаютъ грамотѣ, знакомятъ съ отечественной исторіей, литературой, философіей, учатъ декламаци и приучаютъ обсуждать разные отвлеченные вопросы, придавая бесѣдѣ непринужденный и занимательный характеръ.

Когда воспитаніе гейши закончено, она начинаетъ выступать публично. Обыкновенно это происходитъ въ такой формѣ. Нѣсколькихъ гейшъ приглашаютъ на какой-нибудь обѣдъ или другое торжество, устраиваемое или въ какомъ-нибудь ресторанѣ, чайномъ домѣ, или на частной квартирѣ одного изъ устроителей. Тамъ гейши для увеселенія гостей играютъ, поютъ, танцуютъ свои изящные, оригинальные танцы, иногда разыгрываютъ цѣлыя пантомимы, нѣчто вродѣ нашихъ балетовъ, обыкновенно изображающихъ какое-нибудь историческое событіе и нерѣдко тутъ же импровизируемыхъ гейшами. Въ промежуткахъ гости вступаютъ въ разговоры съ прелестными исполнительницами, и нерѣдко эти бесѣды такъ увлекаютъ присутствующихъ, что музыкальная часть программы остается невыполненной, и гости засиживаются въ обществѣ гейшъ далеко за полночь. При этомъ въ обществѣ гейшъ господствуетъ полнѣйшая корректность; ни малѣйшая вольность по отношенію къ нимъ не считается допустимой. Теперь въ приморскихъ городахъ, гдѣ на такихъ собраніяхъ присутствуетъ часто не исключительно японское общество, европейцы, имѣющіе о гейшахъ совершенно превратное представленіе, иногда вносятъ нѣсколько

иной, болѣе вольный тонъ въ свое отношеніе къ артисткамъ. Гейши, отличающіяся, какъ и всѣ японки, большой выдержкой, стараются не подать вида, что это ихъ шокируетъ, но въ сущности они считаютъ подобное обращеніе проявленіемъ дикости иностранцевъ. Вообще не надо забывать, что гейши не имѣютъ ничего общаго съ женщинами легкаго поведенія. Онѣ именно артистки и ничего болѣе.

Конечно, брачныя отношенія складываются у нихъ совершенно на другой почвѣ, чѣмъ у молодыхъ дѣвушекъ, воспитанныхъ въ семьяхъ. Благодаря болѣе открытому образу жизни и болѣе свободному общенію съ мужчинами, у нихъ легко возникаетъ болѣе близкое знакомство съ мужской молодежью. На фонѣ этого знакомства часто возникаютъ романы, совершенно неизвѣстные въ семейныхъ кругахъ Японіи. Этимъ объясняется, почему въ художественной литературѣ Японіи, особенно въ прежнее время, героинями романовъ бывали по большей части гейши. Отношенія между мужскою и женскою молодежью въ семьяхъ складывались такъ прозаически просто, что не давали никакой пищи для опоэтизированія взаимнаго влеченія мужчины и женщины. На этой почвѣ можно было только воспѣвать супружескую преданность и вѣрность, изрѣдка только осложненную подавленной ревностью къ наложницамъ. Между тѣмъ, столкновения съ гейшами давали богатый матеріалъ для всякихъ романическихъ и драматическихъ положеній. Иногда тутъ возникаютъ трогательные и поэтическіе

романы, иногда полныя трагизма драмы. Какъ ни корректно относятся японцы къ гейшамъ, профессія этихъ послѣднихъ все-таки не считается почетной. Въ глазахъ общества гейши занимаютъ среднее положеніе между такъ называемыми порядочными женщинами и проститутками. Знакомство съ ними никого не компрометируетъ, но бракъ многими все-таки считается *mésalliance* омъ. Гейши часто вызываютъ искреннее чувство въ комъ-нибудь изъ посѣщающихъ ихъ молодыхъ людей, и сами отвѣчаютъ тѣмъ же. Но далѣе возникаютъ всякаго рода осложненія. Иногда влюбленнымъ удастся преодолѣть всѣ препятствія и счастливо соединиться. Браки съ гейшами далеко не рѣдкость въ Японіи, и очень часто бываютъ одними изъ самыхъ счастливыхъ. Романисты, особенно въ прежнія времена, очень охотно брали темою такого рода союзы. Въ этомъ отношеніи очень характеренъ одинъ разсказъ, рисующій романъ между молодымъ человекомъ изъ хорошаго рода и гейшею. Молодые люди горячо полюбили другъ друга, но родители рѣшительно не соглашались на бракъ. На этотъ разъ любовь оказалась сильнѣе всѣхъ враждебныхъ вліяній. Въ одинъ прекрасный день молодые люди исчезли. Оказалось, что они поселились вдали отъ своего города, въ маленькомъ мѣстечкѣ. Юноша отказался отъ всѣхъ открывавшихся ему блестящихъ перспективъ, чтобы не разлучаться съ возлюбленной. Она тоже пренебрегала ради него своими успѣхами, сулившими ей славу и богатство; они

жили въ глуши, на тѣ средства, какія она добывала танцами по приглашенію мѣстныхъ жителей. Единственной роскошью, какую она позволяла себѣ, было наряжаться въ сохранившіяся у нея великолѣпныя одежды и увеселять танцами своего возлюбленнаго. Недолго продолжалось ихъ блаженство,—жестокая судьба отняла у нея ея милаго, который умеръ отъ болѣзни на ея рукахъ. Но и послѣ его смерти она осталась вѣрна ему. Она не вернулась къ своимъ блестящимъ подругамъ, осталась жить въ той же хижинѣ, гдѣ испытала единственное счастье, и каждую ночь, нарядившись въ свои лучшія одежды, исполняла передъ дощечкой и изображеніемъ своего возлюбленнаго его любимыя танцы. На этомъ разѣ застаётъ ее начинающій художникъ, случайно набревшій на ея пріютъ. Въ отвѣтъ на его участливые разспросы она рассказываетъ ему свою исторію, и въ его памяти запечатлѣвается поэтическій образъ прекрасной танцовщицы, танцующей ночью въ одинокой хижинѣ, среди глухого лѣса. Черезъ много лѣтъ къ нему является старушка нищая и обращается съ горячей мольбой нарисовать ея портретъ въ роскошномъ, хотя и полуистлѣвшемъ, нарядѣ танцовщицы. Оказывается, это та же самая гейша, не измѣнявшая до сихъ поръ тому, что она считала своимъ долгомъ. Художникъ исполняетъ ея странное желаніе и изображаетъ ее такою, какою она сохранялась въ его изображеніи. Когда портретъ оконченъ, она уноситъ его съ собою, упорно отказываясь отъ всякой помощи; а на

слѣдующій день ее находятъ мертвою въ полуразвалившейся хижинѣ, гдѣ передъ урной и изображеніемъ покойника виситъ великолѣпный портретъ красавицы.

Но, конечно, не всегда чувство оказывается такимъ сильнымъ и искреннимъ съ обѣихъ сторонъ. Очень часто въ роли разлучницы оказывается не роковая судьба, передъ которой безсильны люди, а недостаточно сильное чувство, отступающее передъ неодобреніемъ окружающихъ, и тогда вмѣсто брака на всю жизнь получается временный союзъ, расторгаемый или съ обоюднаго согласія, или по праву развода, предоставленному мужу. Страдающей стороной и тутъ въ большинствѣ случаевъ оказывается женщина. Конечно, она не остается такою безпомощною, какъ обыкновенная женщина; она можетъ легче встрѣтить случай для новаго брака или снова заняться своею профессіей. Но, во-первыхъ, она лишается своихъ дѣтей, къ которымъ, конечно, такъ же привязана, какъ и всякая другая мать. Въ вторыхъ, выходя замужъ по свободному влеченію сердца, она можетъ испытывать и болѣе сильное внутреннее страданье, когда союзъ ея оказывается непрочнымъ. Приистекающія отсюда драмы тоже нерѣдко фигурируютъ на страницахъ японскихъ романовъ.

Вообще, хотя гейша и является какъ бы дополненіемъ къ средней японской женщинѣ, такъ какъ она развиваетъ въ себѣ тѣ свойства, какихъ не достаетъ той, но сама по себѣ она, конечно, не можетъ считаться типомъ нормальной женщины.